

75903
0-34456

08

СЕРІЯ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ

5484
1849

И. В. Чернышевъ.

ОТКУДА ПОШЛА КРЕСТЬЯНСКАЯ БѢДНОСТЬ ВЪ РОССИИ.

(Къ аграрному вопросу).

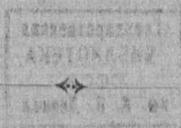
ИЗДАТЕЛЬСКІЙ
ОТДѢЛЪ
СКОБЕЛЕВСКАГО
КОМИТЕТА

1917

И. В. Чернышевъ.

ОТКУДА ПОШЛА КРЕСТЬЯНСКАЯ БѢДНОСТЬ ВЪ РОССІИ.

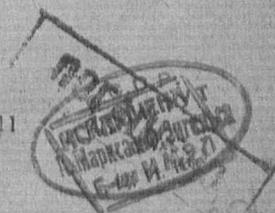
(Къ аграрному вопросу).

12-8589

ПЕТРОГРАДЪ

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11
1917

2698
26

261-2-0128
11/17/17

Государственное хозяйство крѣпостного времени и положеніе крестьянъ.

Только востановивъ картину социальныхъ отношеній, господствовавшихъ въ дореформенной Россіи, можно понять, какія силы привели крѣпостное право къ крушенію, и какія условія придали реформамъ 60-хъ годовъ ихъ дворянско-классовый характеръ.

Манифестомъ 19 февраля 1861 года было признано банкротство крѣпостного строя и какъ системы хозяйства, и какъ системы управленія. Но манифестъ этотъ явился только финаломъ длительного процесса умиранія крѣпостного строя.

Крѣпостной строй съ хозяйственной стороны основывался на „крѣпости“ къ землѣ всего земледѣльческаго населенія и на крѣпости помѣщичьихъ крестьянъ къ землѣ и къ помѣщику. Трудъ народа былъ прикованъ къ землѣ и внѣ земледѣлія имѣлъ очень малый просторъ для своего приложенія. Процессъ отдѣленія земледѣлія отъ промышленности совершался крайне медленно и возникающая крупная промышленность—фабрика—вначалѣ носила крѣпостной характеръ: рабочій прикрѣплялся къ фабриктъ такъ же, какъ крѣпостной крестьянинъ—къ землѣ.

Помѣщикъ, заводившій фабрику, покупалъ для нея крѣпостныхъ или переводилъ туда своихъ старыхъ крѣпостныхъ—пахарей; для фабриктъ частныхъ лицъ—не-помѣщиковъ—рабочіе покупались у помѣщиковъ.

Народное хозяйство Россіи носило въ началѣ XIX ст. въ значительной мѣрѣ натуральный характеръ; внутренний рынокъ развивался главнымъ образомъ на почвѣ обмѣна южныхъ хлѣбородныхъ губерній съ сѣверными промысловыми губерніями, внѣшній рынокъ еще не игралъ существенной роли въ хозяйствѣ страны. Но къ по-

ловинѣ XIX в. денежное хозяйство сдѣлало значительныя завоеванія. Для того, чтобы показать, какъ развивались хозяйственныя отношенія въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка, приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ.

Важнымъ показателемъ развитія денежнаго хозяйства является внѣшняя торговля. Если взять среднія цифры вывоза и ввоза Россіи по всѣмъ границамъ, то окажется, что во вторую четверть первой половины XIX в. внѣшняя торговля наша развивалась значительно быстрее, чѣмъ въ первую.

Ростъ внѣшней торговли (въ кред. рубляхъ):

	Вывозъ.	Ввозъ.
Ежегодное среднее за 5-лѣтіе.		
1801 — 1805	75.108 тыс. р.	52.765 тыс. р.
1826 — 1830	85.715 " "	79.687 " "
1851 — 1855	133.173 " "	129.962 " "
1856 — 1860	225.594 " "	205.866 " "

Въ то время, какъ въ началѣ столѣтія общая сумма вывоза и ввоза равнялась всего 127,9 м. руб., наканунѣ Реформы она достигла 431,4 милл. руб., т. е. возросла почти въ 3½ раза.

Вывозъ хлѣба въ теченіе этого времени особенно возрасталъ: цѣнность хлѣба въ нашемъ вывозѣ по ежегодному среднему въ 5-лѣтіе 1802—1807 составляла 18,7%, а въ пятилѣтіе 1856—1860 гг. 35%. Изъ хлѣбовъ сильно увеличился вывозъ пшеницы:

Ежегодный средній вывозъ пшеницы по пятилѣтіямъ:

1801 — 1805	10,646 тыс. пуд.
1826 — 1830	17,300 " "
1851 — 1855	31,810 " "
1856 — 1860	38,130 " "

Это указываетъ, между прочимъ, на то, что постепенно все большая и большая часть хлѣба, производимаго крупными хозяйствами, дѣлалась предметомъ обмѣна.

На перестройку помѣщичьяго хозяйства на коммерческій ладъ указывалъ и ростъ заводовъ, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ. Въ 1802 г. въ Тулѣ былъ образованъ первый сахарный заводъ; въ 1844—1845 году этихъ заводовъ было уже 206, а въ 1848 году 340. Соотвѣственно этому возрастали посѣвы свекловицы на помѣщичьихъ поляхъ.

Точно такъ же быстро росло сельскохозяйственное винокурение. Къ 1859 году уже дѣйствовало 4624 винокуренныхъ завода, съ производствомъ около 52 милл. ведеръ спирта.

Выкурено спирта:

	Тыс. ведеръ.
1819 году	18.546
1851 " "	39.500
1859 " "	51.945

Въ области желѣзодобывательной промышленности также замѣчалось непрерывное развитіе.

Выплавлено чугуна въ Россіи въ тыс. пуд.:

1822 г.	9.384
1842 " "	11.173
1859 " "	19.250

Нужно при этомъ замѣтить, что въ 1830 году Россія выплавляла чугуна больше, чѣмъ Германія, Австрія и Франція.

Выплавлено чугуна въ 1830 году:

Россія	10 милл. пуд.
Германія	8 " "
С.-А. С. Шт.	10 " "
Франція	6 " "
Австрія	6 " "

Но особенное развитіе получила въ 1-й половинѣ XIX ст. хлопчатобумажная промышленность. Эта промышленность работала на широкій рынокъ, и ея развитіе показываетъ, что и крестьянство все болѣе захватывалось въ сферу денежнаго хозяйства. Какъ шель ростъ производства въ хлопч.-бум. промышленности показываютъ слѣд. цифры:

Привозъ хлопка въ Россію въ тыс. пуд.:

Въ среднемъ ежегодно по 5-лѣтіямъ.

1821—1825	70 тыс. пуд.
1836—1840	320 " "
1841—1845	527 " "
1844—1850	1.115 " "

Параллельно съ этимъ возрастала и привозъ въ Россію бумажной пряжи:

Ввозъ бумажной пряжи:

1821—1825	236 тыс. пуд.
1831—1835	560 " "
1841—1845	590 " "
1846—1850	351 " "

Ввозъ бумажной пряжи въ 1846—1850 гг. упалъ, потому что въ это время русскія фабрики уже сами готовили пряжу. Весь ежегодный ввозъ бумажной пряжи за 5-лѣтіе 1841—1845 гг. (590 тыс. пуд.) оцѣнивался въ 8,8 милл. рублей; ввозъ 1846—1850 гг. въ 4,635 милл. руб., но въ это же пятилѣтіе въ среднемъ русскія фирмы вырабатывали пряжи своей на 8,2 милл. руб. ежегодно. Въ 1851—1855 гг. на русскихъ фабрикахъ выработано было уже своей пряжи на 15,5 милл. руб. Въ 1831 году у насъ было 6 бумагопрядильныхъ фабрикъ, а въ 1850 году уже 50, съ 31 тыс. рабочихъ. Въ 1831 году насчитывалось ситцевыхъ, миткалевыхъ, бумаготкацкихъ фабрикъ—225; а въ 1850 г. однѣхъ бумагопрядильныхъ фабрикъ—480 съ 80 тыс. рабочихъ.

Ростъ внутренняго рынка и развитіе денежнаго хозяйства доказывали и растущіе обороты Нижегородской ярмарки:

На Нижегородскую ярмарку

	Привезено товаровъ:	Продано товаровъ:
1824 г.	83 мил. руб. асс.	40 мил. руб. асс.
1834 " "	140 " " "	107 " " "
1840 " "	39 милл. руб. сер.	38,8 милл. руб. сер.
1846 " "	57 " " "	55,8 " " "

Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что, несмотря на крѣпостническія путы, сковывающія дореформенный строй—денежное хозяйство пробивало себѣ все болѣе широкую дорогу.

Съ развитіемъ рынка росло и значеніе конкуренціи. Конкуренція таксировала цѣну товаровъ и опредѣляла родъ и характеръ наиболѣе доходныхъ формъ предпріятія. И на почвѣ конкуренціи въ концѣ первой четверти XIX столѣтія начинаетъ ясно вырисовываться фактъ малой производительности крѣпостного труда, и обнаруживаться безусловная, при извѣстныхъ условіяхъ, выгодность вольнонаемнаго труда. Въ земледѣліи эта невыгода крѣпостного труда сказывалась, въ особенности, въ мѣстахъ близкихъ къ рынкамъ заграничнаго сбыта; въ промышленности—главнымъ образомъ, въ тѣхъ отрасляхъ ея, гдѣ находила себѣ примѣненіе машина.

Уже съ 30-хъ годовъ XIX столѣтія среди владѣльцевъ частныхъ крѣпостныхъ (посессионныхъ) фабрикъ начинается движеніе въ пользу передачи крѣпостныхъ рабочихъ правительству для перехода къ вольнонаемному труду. Въ одномъ изъ такихъ ходатайствъ указывается, что такъ какъ „духомъ времени измѣнилось фабричное производство, введенъ механизмъ, замѣняющій ручныя работы, то производство на фабрикахъ посессионными людьми не только неудобно, но и наноситъ постоянно важные убытки, да и самыя посессионныя люди сдѣлались уже излишними и обременительными для владѣльца“.

Невыгодность крѣпостного фабричнаго труда вызвала къ жизни фабрики съ вольнонаемнымъ трудомъ, которыя начинали вытѣснять съ рынка товары крѣпостныхъ фабрикъ.

Вотчинныя помѣщичьи фабрики съ крѣпостнымъ трудомъ не могли выдержать конкуренціи фабрикъ съ вольнонаемнымъ трудомъ частныхъ предпринимателей, и ко времени реформы на помѣщичьихъ фабрикахъ замѣчается паденіе числа рабочихъ. О невыгодности крѣпостного труда на помѣщичьихъ фабрикахъ много говорили въ 1859—60 гг. въ Ред. Комиссіяхъ, при составленіи проекта Положенія о крестьянахъ. Князь Черкасскій говорилъ, что онъ давно свой сахарный заводъ перестроилъ на началахъ вольнаго труда. „Только тѣ помѣщичьи фабрики и заводы, говорилъ онъ, которые признали необходимость наемнаго труда, удержались въ цвѣтущемъ состояніи и въ надлежащемъ видѣ“. То же говорили и другіе члены Ред. Ком., напр., Самаринъ и Апраксинъ. Съ крѣпостной фабрикой успешно боролась даже „раздробленная промышленность“,—производство „кустарей“ главнымъ образомъ оброчныхъ и государственныхъ крестьянъ.

Все болѣе сказывающаяся съ развитіемъ рынка невыгодность крѣпостного труда въ области земледѣлія вызвала со стороны владѣльцевъ усиленіе надзора за работой крѣпостныхъ и содѣйствовало мѣстами расцвѣту барщиннаго хозяйства. И это развитіе барщины, съ внѣшней стороны представлявшееся какъ бы усиле-

ніем крѣпостного хозяйства, на самомъ дѣлѣ было признакомъ его упадка.

Обреченное на крѣпостной трудъ, помѣщичье хозяйство мѣстами переживало тяжелый кризисъ—это сказывалось и въ прогрессирующемъ ростѣ голодовокъ, и въ очень значительной по нѣкоторымъ губерніямъ недоимочности помѣщичьихъ крестьянъ при платежѣ подушнаго государственнаго оклада, а также и въ растущей задолженности помѣщиковъ.

Освобожденные манифестомъ 19 февраля 1861 г., крестьяне фактически, въ значительной части, уже принадлежали казнѣ: изъ числящихся по 10 ревизіи 1858 году 10,5 милл. крѣпостныхъ мужчинъ—6,606 тысячъ, т. е. 62%, были заложены государству за 398 милл. рублей.

Растущая бездоходность труда крѣпостныхъ и невозможность увеличить его производительность при крѣпостномъ правѣ создавали для дореформенной промышленности и земледѣлія крайне тяжелыя условия, единственнымъ выходомъ изъ которыхъ былъ переходъ къ свободному труду и къ созданію условий для „свободнаго“ развитія земледѣлія и промышленности.

Ликвидация крѣпостного строя, какъ системы хозяйства, становилась все болѣе неизбежной. Но въ такой же степени неизбежной становилась ликвидация крѣпостного права, какъ системы управленія.

Помѣщичье хозяйство крѣпостной Россіи представляло изъ себя не только хозяйственную, но и государственно-административную единицу. Помѣщикъ не только *извлекалъ доходъ* изъ своего имѣнія, но и *управлялъ* опредѣленной территоріей и населенными на ней крестьянами. Помѣщики были „малыми монархами“, которые имѣли своихъ „подданныхъ“, какъ крѣпостные назывались на официальномъ языкѣ, и эти „подданные“ не принимали присяги на вѣрность государямъ.

„Не на сей-ли власти сихъ малыхъ монарховъ непоколебимо покоится дѣятельное могущество и слава Россіи?“—восклицалъ одинъ изъ защитниковъ крѣпостного права въ началѣ XIX столѣтія.

Характеризуя административную роль помѣщиковъ, Императоръ Павелъ I называлъ помѣщиковъ своими „полицеймейстерами“, под-держивающими „порядокъ“ во всей странѣ.

Пока крѣпостное хозяйство процвѣтало, помѣщичья власть оказывалась въ состояніи обезпечивать странѣ этотъ „порядокъ“, какъ бы сильно онъ, по-временамъ, ни потрясался возстаніями крѣпостныхъ. Но какъ только, подъ напоромъ развитія денежныхъ отношеній, крѣпостное хозяйство начало падать, помѣщичья власть становилась все менѣе и менѣе способной держать *въ повиновеніи* крестьянскую массу. Переводъ оброчныхъ крестьянъ на барщину и

на мѣсячину (лишеніе крѣпостныхъ земли и обращеніе ихъ въ сельско-хозяйственныхъ рабовъ) помѣщиками, стремящимися повысить падающую доходность своихъ имѣній, вызывалъ все болѣе бурную реакцію со стороны крѣпостныхъ, выражающуюся въ учащающихся волненіяхъ и убійствахъ помѣщиковъ.

Въ то же время растущая эксплуатація крѣпостныхъ на фабрикахъ вотчинныхъ и посессионныхъ приводила къ систематическимъ фабричнымъ бунтамъ. Точно такъ же возрастало недовольство въ рядахъ выросшей изъ нѣдръ посессионной фабрики и „кустарнаго производства“ „крѣпостной“ буржуазіи. Последнее обстоятельство являлось очень характернымъ.

Въ нечерноземныхъ губерніяхъ въ первой половинѣ XIX столѣтія рядомъ съ фабриками образовались центры частью самостоятельной, частью подчиненной капиталу мелкой „кустарной“ промышленности. Въ этихъ центрахъ возникали съ одной стороны раздаточныя конторы для снабженія матеріаломъ кустарей, съ другой—конторы кушщиковъ кустарныхъ издѣлій. Владѣльцы этихъ фабрикъ и конторъ, очень часто крѣпостные крестьяне, наживая богатства и расширяя свое производство, наталкивались на законъ, запрещающій крѣпостнымъ владѣть недвижимостью иначе, какъ пріобрѣтая ее на имя помѣщиковъ. Несмотря на накопленное богатство, эта крѣпостная буржуазія часто не могла выйти на „волю“, такъ какъ помѣщики далеко не всегда соглашались дать свободу крѣпостнымъ, даже за огромный выкупъ. Извѣстны случаи, когда въ XIX в. помѣщики отказывались дать „вольную“ семьямъ крѣпостнымъ, предлагавшимъ по 20.000 рублей за душу. Съ трудомъ удавалось откупаться на волю за большія деньги такимъ „богачамъ“, какъ Морозовы и Гарелины.

На этой почвѣ ненависть къ крѣпостному праву росла въ земледѣльческихъ и промышленныхъ губерніяхъ Россіи и не только среди крестьянской бѣдности, но и среди крестьянской буржуазіи. При такихъ условіяхъ власть помѣщиковъ „полицеймейстеровъ“ оказалась безсильной удержать „общественный порядокъ“.

Съ конца сороковыхъ годовъ волненія помѣщичьихъ крестьянъ прогрессировали, захватывая все новые и новые районы. По завѣдомо преуменьшенному подсчету за 29 лѣтъ царствованія Николая I (1826—1854) насчитывается 556 волненій крѣпостныхъ крестьянъ. Эти крестьянскіе бунты охватывали одинаково какъ губерніи промышленныя, такъ и чисто земледѣльческія. Наиболѣе часты крестьянскія волненія были на сѣверѣ Россіи: въ Тверской губерніи за 26 лѣтъ было 24 волненія; въ Костромской губерніи—за то же время произошло 23 волненія; въ Смоленской—24; въ Московской—21; въ Новгородской—20.

Въ центральной и южной Россіи въ цѣломъ рядѣ губерній крестьянскія волненія были столь же часты. За 26 лѣтъ въ Тамбовской губерніи было 18 волненій; въ Воронежской—17; въ Черниговской—20; въ Саратовской—20; въ Кіевской—19. Волненія крестьянъ становились тѣмъ болѣе опасными, что, несмотря на массовыя жестокия наказанія и на вооруженную силу, примѣняемую при ихъ подавленіи, число безпорядковъ прогрессивно возрастало.

По пятилѣтіямъ крестьянскія волненія росли въ слѣдующей прогрессіи: въ 1830—1834 гг. было 46 волненій; въ 1835—1839 гг.—59; въ 1840—1844 гг.—101; въ 1845—1849 гг.—172 волненія и въ 1850—1854 гг.—137 волненій.

Въ послѣднее пятилѣтіе число волненій нѣсколько уменьшилось, но тѣмъ не менѣе оно выразилось въ огромной цифрѣ—137, т. е. по 28 волненій ежегодно.

За отсутствіемъ данныхъ, непосредственныя причины каждаго изъ этихъ волненій установить не представляется возможнымъ, но изъ 275 волненій, причины которыхъ извѣстны, въ 132 случаяхъ крестьяне „бунтовали“ изъ-за „воли“.

Параллельно съ ростомъ крестьянскихъ волненій прогрессивно росло число убійствъ помѣщиковъ ихъ крѣпостными. По правительственнымъ даннымъ за 20 лѣтъ (1835—1854) было убито 144 помѣщика, т. е. въ среднемъ по 7 человекъ въ годъ. Только за 9 лѣтъ (съ 1835 по 1843 годъ) за убійство помѣщиковъ было сослано 298 мужчинъ и 118 женщинъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Послѣдній передъ Реформой наиболѣе сильный взрывъ крестьянскихъ волненій былъ въ 1854 и 1855 гг., когда во время крымской войны были изданы указы 1854 года о морскомъ и народномъ ополченіяхъ. Крестьяне рѣшили, что участіе въ ополченіи даетъ право на выходъ на „волю“, и это убѣжденіе создало поводъ къ крестьянскимъ волненіямъ, продолжавшимся болѣе года.

Къ срединѣ XIX ст. крушеніе крѣпостнической системы управления государствомъ было очевидно, и ея реформа становилась неизбежной.

Крѣпостная Россія въ первую половину XIX столѣтія сохраняла для Европы престижъ непобѣдимой державы и, несмотря на внутреннія волненія, расширяла свои владѣнія.

Еще въ 1848 году Манифестъ Николая I по поводу революцій, охватившихъ Европу, заканчивался гордымъ заявленіемъ: „мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и не щадя себя, будемъ, въ неразрывномъ союзѣ со святою нашею Русью, защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ“.

„Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!“

Наступилъ 1855 годъ, и крѣпостная Русь была на голову разбита подъ Севастополемъ. Неприкосновенность предѣловъ Россіи была нарушена „вышнимъ врагомъ“. Съ паденіемъ Севастополя палъ послѣдній аргументъ въ пользу крѣпостнаго права: крѣпостная Русь не могла защищать даже своихъ границъ! Крѣпостное право грозило разрушеніемъ государству и изнутри, и извнѣ!

II.

„Гуманное“ крѣпостное право, кустарная промышленность и община—наши „національныя особенности“.

По мѣрѣ того, какъ въ систему крѣпостнаго хозяйства внѣдрились капиталистическія отношенія, основанныя на вольнонаемномъ трудѣ, постепенно измѣнялось отношеніе къ крѣпостному труду какъ въ средѣ различныхъ общественныхъ группъ, такъ и у правительства. Въ Екатерининскую эпоху Россія переживаетъ еще расцвѣтъ крѣпостнаго права: область его распространенія въ это время сильно расширяется, во-первыхъ, благодаря пожалованіямъ различнымъ лицамъ (въ теченіе 35 лѣтъ Екатерина II „пожаловала“ около 850.000 обоего пола душъ съ землей), во-вторыхъ, благодаря распространенію крѣпостнаго права на Малороссію¹⁾.

Въ слѣдующее кратковременное царствованіе Павла I было „пожаловано“ еще около 600 тыс. душъ обоего пола въ частную собственность помѣщиковъ (съ землей). Крѣпостное право въ это время признавалось безъ оговорокъ основнымъ государственнымъ устоемъ, отъ котораго зависѣли „цѣлость“ и „бытіе“ Россіи. Въ Екатерининской Комиссіи по составленію Уложенія 1767 года представители всѣхъ присутствовавшихъ тамъ сословій (за исключеніемъ представителей государственныхъ крестьянъ) требовали для своихъ сословій права владѣнія крѣпостными. Сами крѣпостные крестьяне, не имѣвшіе своихъ представителей въ Екатерининской Комиссіи, какъ извѣстно, отвѣтили на это грандіознымъ возстаніемъ, такъ называемымъ Пугачевскимъ бунтомъ. Но бунтъ этотъ, подавленный

¹⁾ Екатерина раздала огромное количество людей и земли своимъ близкимъ людямъ: Орлову—7.000 душъ; Потемкину—37.000 душъ; Завадекому—2.000 душъ; Римскому-Корсакову—400.000 душъ; Ланскому—24.250 душъ; Ермолову—6.000 душъ; Зубову—13.600 душъ. При этихъ „дарахъ“ выдавались еще значительныя суммы денегъ.

военной силой, не далъ крестьянамъ никакихъ улучшеній, даже болѣе—положеніе крѣпостныхъ послѣ подавленія возстанія значительно ухудшилось. Въ Екатерининскую эпоху противъ крѣпостного права раздавались только отдѣльные голоса, — причѣмъ въ этихъ протестахъ выдвигались, главнымъ образомъ, гуманитарныя, а не хозяйственныя соображенія. Это показывало, что душевладѣніе въ хозяйственномъ отношеніи было еще достаточно выгодно.

Царствованіе Павла I начинается „бунтами“ крѣпостныхъ крестьянъ въ 17 губерніяхъ. Эти бунты повели къ изданію закона 1797 года, по которому помѣщикъ могъ требовать отъ крестьянина обязательной барщины лишь въ теченіе 3-хъ дней въ недѣлю. Законъ о трехдневной барщинѣ, имѣвшій цѣлью „смягчить“ положеніе крѣпостныхъ, остался мертвой буквой, во-первыхъ, потому, что некому было слѣдить за его исполненіемъ, во-вторыхъ, законъ не налагалъ никакой кары за его нарушеніе.

Первое испытаніе крѣпостному праву, какъ системѣ хозяйства, было сдѣлано закономъ 1803 г. „о свободныхъ хлѣбопашцахъ“. Законъ 1803 года былъ изданъ по предложенію гр. Румянцова, который въ своей запискѣ, поданной по этому поводу государю, писалъ, что многіе помѣщики находятъ *выгоднымъ* для себя давать свободу крѣпостнымъ крестьянамъ за извѣстную плату, и что они отпускали бы цѣлыя селенія, если бы это оказалось выгоднѣе продажи крѣпостныхъ“.

По закону 1803 года каждый душевладѣлецъ, на условіяхъ добровольнаго договора со своими крѣпостными, могъ отпустить ихъ на „волю“, переводя ихъ такимъ образомъ въ новое положеніе „свободныхъ хлѣбопашцевъ“. Если бы къ этому времени крѣпостное хозяйство оказалось совершенно невыгоднымъ для помѣщиковъ, то нужно было ожидать многочисленныхъ попытокъ освободиться отъ невыгоднаго труда крѣпостныхъ. Въ дѣйствительности, только очень незначительное число помѣщиковъ освободило своихъ крестьянъ на основаніи этого закона. Въ общемъ, за 50 лѣтъ было освобождено по этому закону всего около 138.000 душъ.

Однако, вопросъ о выгодуности вольнонаемнаго труда въ помѣщичьемъ хозяйствѣ со второго десятилѣтія XIX вѣка начинаетъ все болѣе занимать дворянство, и, рядомъ съ осужденіемъ крѣпостного права по моральнымъ мотивамъ, все чаще появляются *экономическіе* аргументы противъ крѣпостного труда. Уже въ 1812 году Вольно-Экономическое Общество, состоящее тогда изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, ставитъ на премію тему о томъ, какой трудъ выгоднѣе для хозяина—крѣпостной или вольнонаемный.

Отвѣты на заданную тему были очень знаменательны. Премпированный В.-Э. Обществомъ трудъ Якоби устанавливаетъ, что общаго

рѣшенія въ данномъ случаѣ быть не можетъ, такъ какъ выгодность той или иной системы находится въ зависимости отъ разныхъ условій и, главнымъ образомъ, отъ количества „свободныхъ наемныхъ поденщиковъ“ (т. е. отъ наличности рабочаго рынка. И. Ч.).

Но еще болѣе знаменательнымъ является вторая тема В.-Э. Общества на премію, предложенная въ 1812 году, „объ отдѣленіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ землевладѣльцевъ отъ фабричныхъ рабочихъ“. Здѣсь ставится уже вопросъ о томъ, какимъ образомъ создать фабричныхъ рабочихъ для развивающейся крупной дворянской промышленности. Постановка такого вопроса показывала, что внутри крѣпостного хозяйства уже возникли явленія, вызывающія необходимость переустройства его на новыхъ началахъ.

Журналистика въ свою очередь начала дебатировать новыя для того времени темы *о наемномъ и крѣпостномъ трудѣ*, о протекціонизмѣ и фритредерствѣ, о роли промышленности и земледѣлія въ Россіи. Хотя въ началѣ этихъ споровъ защитники крѣпостного хозяйства были еще очень многочисленны, но ясно было видно, что вѣра въ крѣпостной строй, какъ въ присущую намъ „національную“ особенность, была уже подорвана.

Нужно замѣтить при этомъ, что журналистика того времени не могла широко развертывать свою аргументацію противъ крѣпостного права, такъ какъ администрація зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы въ журналахъ не было „разсужденій о вольности и рабствѣ и другихъ неприличностяхъ“.

Наиболѣе широко въ первой четверти XIX в. вопросъ былъ поставленъ Декабристами. Въ своихъ проектахъ переустройства русскихъ государственныхъ отношеній Декабристы ставили уничтоженіе крѣпостного права во главу реформъ. Объ уничтоженіи владѣнія крѣпостными людьми они предполагали объявить въ особомъ Сенатскомъ Манифестѣ объ учрежденіи Временнаго Правительства.

Характерно, что при всемъ своемъ „крайнемъ“ для того времени политическомъ радикализмѣ Декабристы предполагали при освобожденіи крестьянъ примѣнить тотъ самый способъ, который 35 лѣтъ спустя примѣнило правительство въ эпоху „Крестьянской Реформы“. Они предполагали, что выработка первоначальнаго плана освобожденія крестьянъ должна была быть сдѣлана „дворянскими собраніями“ и за тѣмъ уже изъ тѣхъ проектовъ Верховное Правленіе должно было „сдѣлать выборъ и цѣлое составить“.

Послѣ подавленія возстанія Декабристовъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ сдѣлался основнымъ вопросомъ русской жизни, и журналистика уже не покидала его до самой Реформы. Обсужденіе его въ печати усиливалось по мѣрѣ того, какъ назрѣвали хозяйственныя

противорѣчія, и все большіе и большіе слои населенія начинали страдать отъ этихъ противорѣчій.

Представители нарождавшагося капитализма, промышленники — не дворяне, домогавшіеся въ Екатерининской комиссіи права владѣть крѣпостными, въ первой половинѣ XIX вѣка, когда создался рынокъ вольныхъ рабочихъ, выступили противъ крѣпостного права на фабрикахъ.

Владѣльцы крѣпостныхъ фабрикъ входили съ ходатайствомъ предъ правительствомъ о разрѣшеніи распустить ихъ крѣпостныхъ рабочихъ для того, чтобы перейти къ вольнонаемному труду. Начиная съ 1824 года, владѣльцы крѣпостныхъ фабрикъ получаютъ различныя льготы по освобожденію крѣпостныхъ фабричныхъ рабочихъ, а въ 1840 году фабриканты получили право отпускать своихъ крѣпостныхъ „на волю“. Законъ 1840 года, дававшій возможность фабриканту перейти отъ крѣпостного труда къ вольнонаемному, не остался мертвой буквой, наоборотъ имъ охотно пользовались фабриканты, указывая въ мотивахъ увольненія рабочихъ „на волю“, что при измѣнившихся условіяхъ „мануфактурной промышленности“ (введеніе машинъ) и при увеличившемся числѣ „вольныхъ рабочихъ и мастеровъ“ фабрики съ крѣпостными рабочими приносили „постоянные убытки“.

Усилившееся движеніе среди крѣпостныхъ крестьянъ вызывало со стороны правительства попытки, въ извѣстной степени, регламентировать крѣпостное право, и въ царствованіе Николая I было создано 8 секретныхъ комитетовъ изъ представителей высшей бюрократіи для выработки способовъ „смягченія“ крѣпостного права. Результатомъ работъ четвертаго секретнаго комитета явился указъ 1842 года „объ обязанныхъ крестьянахъ“, предоставляющій помѣщикамъ право увольнять крестьянъ въ обязанные сѣмщики помѣщичьей земли, за вознагражденіе по взаимному согласію.

Законъ этотъ былъ не болѣе, какъ дополненіемъ закона 1803 года о „свободныхъ хлѣбопашцахъ“. Но имъ такъ же, какъ закономъ 1803 года, воспользовалось очень незначительное количество дворянъ. Различное отношеніе фабрикантовъ къ закону 1840 года и дворянъ къ законамъ 1803 г. и 1812 г. „о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ“ показываетъ, что процессъ разложенія крѣпостного хозяйства въ области промышленности зашелъ значительно дальше, чѣмъ въ земледѣліи.

Рѣчь, произнесенная Николаемъ I въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи закона 1842 года, показываетъ, что въ то время правительство считало освобожденіе крестьянъ „дѣломъ далекаго будущаго“. „Въ настоящую эпоху, говоритъ Николай I, „всякій помыселъ о семь (о дарованіи „свободы крѣпостнымъ людямъ“) былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на

общественное спокойствіе и благо государства“. Такое отношеніе правительства исключало возможность свободного обсужденія печатью крестьянскаго вопроса.

Крѣпостное право было слишкомъ тѣсно сплетено со всеѣмъ государственнымъ порядкомъ, и коснуться этого вопроса значило затронуть весь строй дореформенной жизни. Для всеѣхъ было очевидно, что освобожденіе крестьянъ должно было повести за собой крутой переворотъ во всеѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Говорить объ освобожденіи крестьянъ, значило говорить о новой Россіи и о „путяхъ“ ея историческаго развитія. И именно въ эту эпоху возникъ вопросъ о томъ, поскольку „судьбы“ нашего развитія должны и будутъ отличаться отъ типа развитія европейскихъ хозяйственныхъ и государственныхъ отношеній.

Защитники крѣпостного права усиленно подчеркивали „особенности“ русской исторіи (сравнительно съ западно-европейской), и одну изъ этихъ нашихъ историческихъ „особенностей“ они видѣли въ туманности нашего крѣпостного права. „Было время, когда состояніе крѣпостныхъ людей въ Россіи почиталось отъ иностранцевъ рабскимъ и жалостнымъ. Теперь они узнали свое заблужденіе“, писалъ одинъ изъ журналовъ въ 1817 году. „Вольность — пустое, несчастное слово“, писалось въ то же время въ томъ же журналѣ: „англичанинъ едва можетъ пропитать свою душу, а русскій въ сытость ѣсть и пить“.

Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ крѣпостническая печать писала о національных особенностяхъ нашей исторіи. Западная Европа страдаетъ отъ „язвы пролетаріата“, она борется за идею „общинности“. „Но эта идея“, писалъ журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1849, — „народившаяся въ восторженныхъ головахъ Европы, какъ отдаленная цѣль, практически *существуетъ на востокъ*“.

Защитники крѣпостного права боялись развивающейся въ дореформенной Россіи крупной промышленности съ вольнымъ трудомъ, потому что „она можетъ породить у насъ вмѣсто миролюбиваго, покорнаго царю землевладѣльца, буйнаго мастерового, который ничего не ожидаетъ отъ Бога, а всего отъ машины“, писалъ „Духъ Журналовъ“ въ 1818 году. „Насколько угрожаетъ появленіе такого класса людей, показываютъ частые мятежи въ англійскихъ мануфактурныхъ городахъ“. Поэтому крѣпостники противопоставляли крупной „по иностранному образцу“ промышленности нашу русскую кустарную промышленность.

Правительство въ николаевскую эпоху держалось тѣхъ же взглядовъ. Канкринъ, М-стръ Финансовъ, являлся противникомъ крупной промышленности, такъ какъ машина плодитъ „нищихъ“,

„пролетаріевъ“, „дѣлаетъ невѣрнымъ существованіе трудящагося класса“, порождаетъ въ „низшихъ классахъ“ бунты.

Въ первой половинѣ XIX вѣка въ правительственныхъ сферахъ и въ рядахъ крѣпостниковъ — наряду съ крѣпостнымъ правомъ — основными устоями русской жизни признаются община и кустарное производство.

Идея о „національных особенностяхъ“ нашей жизни усваивается и сторонниками освобожденія крестьянъ, и многимъ изъ нихъ будущее нашихъ общественныхъ отношеній, постъ освобожденія крестьянъ, рисуется возведеннымъ на трехъ хозяйственныхъ основахъ — общинѣ, кустарной промышленности и артели, этой „исконной“ организациі труда въ Россіи.

Въ прогрессивной литературѣ эта идея о нашихъ національных особенностяхъ пережила и крѣпостное право, и Крестьянскую Реформу, въ видѣ пережитковъ она существуетъ еще и въ настоящее время.

Борьба печати противъ крѣпостного права начинается съ особенной страстностью вестись въ 40-хъ годахъ, когда для дальновидныхъ людей было ясно, что крѣпостной строй уже сильно расшатанъ, и что конецъ его быстро приближается. Въ это время рядомъ съ идеологами нарождающагося капитализма выдвигаются идеологи крестьянскихъ массъ, и ряды такихъ идеологовъ — выходцевъ изъ дворянскаго класса — начинаютъ пополняться разночинцами. Изъ этихъ разночинцевъ выдѣлились наиболѣе стойкіе и послѣдовательные защитники интересовъ крестьянскихъ массъ — Бѣлинскій, Добролюбовъ и Чернышевскій. Вмѣстѣ съ Герценомъ, бѣжавшимъ изъ Россіи для того, чтобы найти „свободный печатный станокъ“ для защиты крестьянской свободы, идеологи крестьянства повели упорную атаку на крѣпостное право.

Въ идейныхъ схваткахъ защитниковъ и противниковъ крѣпостного права при всемъ различіи конечныхъ цѣлей — защита интересовъ дворянства у однихъ и защита интересовъ крестьянскихъ массъ у другихъ — наблюдается общность симпатіи къ „особенностямъ“ русскаго быта: общинѣ, артели и кустарному производству.

Идеологи крестьянскихъ массъ считали, что эти три устоя должны лечь въ основу хозяйственныхъ отношеній „свободной“ Россіи.

Для крѣпостниковъ эти устои являлись надежнымъ оплотомъ противъ силъ, разрушающихъ „патріархальность“ русскаго быта, т. е. противъ силъ, уничтожающихъ господство дворянства. Для противниковъ крѣпостного права — тѣ же „устои“ были, наоборотъ, оплотомъ противъ эксплуатаціи крестьянства господствующими классами.

Въ этой „общности“ взглядовъ сказалась „отсталость“ Россіи въ экономическомъ отношеніи. Какъ ни далеко къ 40-мъ годамъ XIX столѣтія шагнуло развитіе денежнаго хозяйства и капиталисти-

ческой промышленности, въ общемъ все-таки главный тонъ хозяйственной жизни давало полунатуральное крестьянское хозяйство, съ его общиннымъ землевладѣніемъ и мелкой кустарной промышленностью. И поэтому община и мелкая промышленность давали главную матеріальную почву для практической дѣятельности и для проектовъ преобразованія Россіи. Отсюда понятно, почему борющіяся стороны опирались на одни и тѣ же институты: одни для охраны стараго порядка, другіе для построенія новаго уклада жизни.

Борясь противъ стараго порядка, противъ режима „розогъ и крещеной собственности“, Герценъ указывалъ на „народныя основы“ новаго порядка въ Россіи: „соціализмъ“, писалъ онъ, „революціонная идея можетъ сдѣлаться у насъ *народною*. Въ то время, какъ въ Европѣ соціализмъ принимается за знамя безпорядковъ и ужасовъ, у насъ, напротивъ, онъ является радугой, пророчащей будущее народное развитіе“. „Слово соціализмъ неизвѣстно нашему народу, но смыслъ его близокъ душѣ русскаго человѣка, изживающаго вѣкъ свой въ сельской общинѣ и въ рабочей артели“.

Суть основной для Россіи соціальной проблемы, по Герцену заключалась въ томъ, „чтобы развить личность крестьянина безъ утраты общиннаго владѣнія“. Ту же идею развивалъ, позже, Чернышевскій: „для насъ этотъ обычай (общинное землевладѣніе) пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, какой тогда понадобится для насъ, и дающимъ удобное основаніе для этого новаго порядка“.

Такъ въ борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ сформировалась въ своихъ основныхъ чертахъ *философія народничества*.

Рядомъ съ публицистами за и противъ крѣпостного права боролись беллетристы и поэты. Въ прозѣ и стихахъ дореформенной литературы велась оживленная полемика по крестьянскому вопросу, и полемика эта ко времени паденія крѣпостного права дѣлалась все болѣе рѣзкой. Наша классическая литература, въ значительной мѣрѣ, получила боевое крещеніе и выковала свои прогрессивные лозунги въ огнѣ борьбы противъ крѣпостного права.

Но литературная борьба, борьба идей, была, такъ сказать, „боемъ въ облакахъ“, боемъ, отражавшимъ матеріальный процессъ разложенія крѣпостного быта, совершающагося подъ давленіемъ разложенія крѣпостного хозяйства.

III.

Дворянство приступаетъ къ освобожденію крестьянъ.

Въ разгаръ Севастопольской войны умираетъ Николай I. Назначенный Александромъ II министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской посѣщилъ сообщить циркулярно предводителямъ дворянства, что Государь повелѣлъ ему „ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“. Этотъ циркуляръ показывалъ, что въ глазахъ правительства разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ считалось дѣломъ еще далекаго будущаго.

Однако, несчастный исходъ войны и созданное этой войной въ высокой степени напряженное настроеніе крестьянъ принудили правительство приступить къ обсужденію крестьянскаго вопроса тотчасъ послѣ заключенія мира. 19 марта 1856 г. былъ заключенъ миръ, а въ апрѣлѣ въ Петербургѣ отъ Московскаго дворянства пріѣхала депутація съ цѣлью узнать о намѣреніяхъ правительства по поводу крѣпостного права, въ виду распространившихся среди народа и дворянъ слуховъ о готовящемся освобожденіи крестьянъ.

Александръ II заявилъ этой депутаціи: „Я не имѣю намѣренія сдѣлать *это теперь*. Но, конечно, господа“, продолжалъ онъ, „сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе“.

Правительство, судя по этой рѣчи, въ 1856 г. рѣшило поставить на обсужденіе вопросъ объ „измѣненіи порядка владѣнія душами“. Въ январѣ 1857 году былъ созванъ изъ представителей высшей бюрократіи Секретный Комитетъ.

Считая съ 1826 года, когда былъ созванъ первый по крестьянскому дѣлу Секретный Комитетъ, это былъ девятый по счету комитетъ, и ему суждено было стать послѣднимъ въ исторіи крестьянской реформы.

Въ первомъ собраніи Секретнаго Комитета, происходившаго подъ предсѣдательствомъ Александра II, было констатировано, что въ народѣ царить волненіе умовъ, которое при дальнѣйшемъ развитіи можетъ имѣть „опасныя послѣдствія“. Въ виду этого Комитетъ постановилъ пересмотрѣть законодательство о крѣпостныхъ крестьянахъ

и установить „начала“, на основаніи которыхъ можно приступить къ „постепенному“ освобожденію крестьянъ „безъ крупныхъ и рѣзкихъ переворотовъ“. Съ этой цѣлью рѣшено было пересмотрѣть и согласовать между собою законы о крѣпостныхъ крестьянахъ 1803 и 1842 годовъ. Это ясно говорило за то, что правительство еще не сознало всей опасности, заключающейся въ отсрочкѣ реформы. Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ Секретнаго Комитета, въ началѣ работавшаго очень медленно и безъ всякой программы, выяснилось, что медлить долѣе нельзя и нужно приступить къ ликвидаціи крѣпостного права.

Выработку началъ освобожденія Секретный Комитетъ рѣшилъ поручить самому дворянству. 20 ноября 1857 года былъ изданъ дворянству Виленской, Ковенской и Гродненской губерній (На имя Назимова генераль-губернатора) рескриптъ, съ предложеніемъ приступить къ обсужденію вопроса „объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“. Такіе же рескрипты, съ небольшими измѣненіями, были вскорѣ разосланы губернаторамъ для передачи ихъ дворянству остальныхъ губерній. Разсылка рескриптовъ придавала „секретную“ работу правительства гласности, въ виду чего Секретный Комитетъ въ 1858 году былъ переименованъ въ Главный Комитетъ.

Дворянство выразило согласіе на обсужденіе предложеній правительства и въ теченіе 1858 года, т. е. чрезъ 2 года послѣ заявленія Ланскаго о „нерушимости“ правъ дворянства, во всей Россіи въ дворянскихъ комитетахъ уже шло обсужденіе условій, на которыхъ дворянство соглашалось „улучшить бытъ“ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ 46 дворянскихъ губернскихъ комитетахъ и двухъ дворянскихъ комиссіяхъ юго-западныхъ и западныхъ губерній привлечено было къ работѣ 1463 дворянина.

Такимъ образомъ, вѣковая тяжба дворянства и крѣпостного крестьянства приходила къ концу, и рѣшеніе этой тяжбы было предоставлено только одной изъ заинтересованныхъ сторонъ — дворянству. Иначе и быть не могло, такъ какъ господствующее положеніе въ государствѣ принадлежало дворянству.

Такая постановка дѣла заранѣе предрѣшала, какой характеръ должна была принять Крестьянская Реформа и насколько мало въ ней будутъ защищены интересы крестьянъ.

IV.

Количество крѣпостныхъ крестьянъ и крѣпостниковъ-дворянъ накануне крестьянской Реформы.

Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу при освобожденіи крѣпостныхъ на волю призналъ безусловно необходимымъ „соблюсти три условія“: 1) чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что быть его улучшенъ; 2) чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены; 3) чтобы власть ни на минуту на мѣстѣ не колебалась, отъ чего ни на минуту не нарушался бы и общественный порядокъ. Эти условія, которыя знаменитый нашъ сатирикъ М. Е. Салтыковъ кратко выразилъ въ формулѣ: „чтобы крестьянинъ почувствовалъ, а помѣщикъ не почувствовалъ“ предрѣшали размахъ всей Крестьянской Реформы. Задача, въ глазахъ Главнаго Комитета, состояла въ томъ, чтобы совершить ликвидацію крѣпостного права съ наименьшимъ потрясеніемъ существовавшихъ общественныхъ отношеній.

Въ основу земельного надѣла освобождаемыхъ крестьянъ былъ положенъ существовавшій въ крѣпостную эпоху земельный надѣлъ или, какъ тогда говорили, „существующій фактъ“. Съ большимъ правомъ можно утверждать, что „существующій фактъ“, т. е. возможно полное сохраненіе крѣпостническаго социально-экономическаго уклада, былъ положенъ въ основу всей Реформы 1861 г.

Присмотримся ближе, въ чемъ состоялъ этотъ „существующій фактъ“ въ жизни крѣпостного крестьянства. Разсмотримъ, какъ распредѣлялось по странѣ крѣпостное населеніе, каково было его земельное обезпеченіе и каковы были правовыя нормы, регулирующія крѣпостной бытъ?

Перепись населенія 1858 года, такъ называемая 10-я ревизія, опредѣлила общее число помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Европейской Россіи и Сибири въ 22 милл. душъ обоого пола ¹⁾. Изъ этихъ 22 милл. душъ около 7⁰/₁₀₀ принадлежало къ „дворовымъ“ и не имѣло земельного надѣла.

Такой высокій процентъ дворовыхъ (безземельныхъ) крѣпостныхъ по 10-ой ревизіи явился результатомъ слуховъ, впоследствии

¹⁾ Число крѣпостныхъ по всей Имперіи этимъ не исчерпывалось: къ 22 милл. нужно прибавить 507 тыс. об. пола крѣпостныхъ въ Закавказьѣ, 543 тыс. душъ об. пола крѣпостныхъ, приписанныхъ къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ, и 41 тыс. душъ, принадлежавшихъ разнымъ учреждениямъ

оправдавшихся, что при освобожденіи помѣщики не будутъ обязаны закономъ надѣлять землей дворовыхъ. Поэтому при производствѣ переписи въ 1858 году помѣщики старались перевести въ дворовые возможно больше пашенныхъ крестьянъ, что и было ясно констатировано Ред. Комиссіями.

Сравненіе данныхъ трехъ послѣднихъ дореформенныхъ ревизій позволяеть прочно установить этотъ фактъ:

Ростъ числа дворовыхъ по 10-й ревизіи наблюдался особенно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ стояли высокія цѣны на землю.

22 милліона крѣпостного населенія Россіи и Сибири принадлежало по даннымъ переписи 1858 года 106.897 помѣщикамъ (съ семьями около 900.000). При общемъ населеніи Европейской Россіи и Сибири въ 60,1 милл. душъ обоого пола, это означало, что 37⁰/₁₀₀ населенія принадлежало на правахъ собственности всего лишь 1⁰/₁₀₀ населенія ¹⁾.

Эти 106.897 помѣщиковъ и являлись той социальной группой, которая управляла страной и охрана интересовъ которой Главнымъ Комитетомъ поставлена на первый планъ Крестьянской Реформы.

Конечно не все представители этой группы играли одинаковую роль въ политической жизни страны. Господствующее положеніе принадлежало „верхнимъ“ 24.000 помѣщикамъ, которые являлись собственниками 17 милл. душъ крѣпостныхъ „людей“, т. е. почти 80⁰/₁₀₀ всего крѣпостного населенія ²⁾.

Въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ на одной сторонѣ были матеріальные интересы ничтожной части населенія 1⁰/₁₀₀, а съ другой—

¹⁾ Распредѣленіе крѣпостного населенія въ 1858 г. представляло такую картину: (Надѣлы получили только «души» мужского пола, записанные въ ревизію 1858 г.—это и были «ревизскія души»).

Дворянъ безпомѣстныхъ	3700	У нихъ крѣп.	12.300
Помѣщиковъ, имѣющихъ до 21 души	42.978	У нихъ крѣп.	339.586
Помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 21 до 100	36.193	У нихъ крѣп.	1.697.914
Помѣщиковъ имѣющихъ отъ 101 до 500	20.165	У нихъ крѣп.	3.974.629
Помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 501 до 1000	2.462	У нихъ крѣп.	1.597.691
Помѣщиковъ, имѣющихъ больше 1000	1.396	У нихъ крѣп.	74.083

²⁾ Такую же „дифференціацію“ отчасти, какъ наслѣдіе исторіи, мы наблюдали внутри дворянства въ настоящее время. Данные о землевладѣніи 1905 г. (до усиленной мобилизаціи дворянскихъ земель послѣ аграрнаго движенія) показываютъ, что 70⁰/₁₀₀ земельной (дворянской) площади принадлежало къ 9⁰/₁₀₀ владѣній; 3⁰/₁₀₀ зем. площади принадлежало 60⁰/₁₀₀ владѣній: (Сл. стр.).

интересы 37% населения России и интересы прогрессивного развития всей страны. И при таких условиях, Редакция Комиссии все таки были убеждены, что они будут „держатъ вѣсы между двумя сословіями“¹⁾, т. е. сумѣютъ справедливо рѣшить крестьянскій вопросъ.

V.

Земельное обезпеченіе крѣпостныхъ.

Уже въ XVIII столѣтіи ясно намѣтилось раздѣленіе России на два района въ смыслѣ способовъ эксплуатаціи крѣпостного населенія: съ одной стороны сѣверъ, съ его малопродуктивной почвой, „промыслами“ и обрабатывающей промышленностью; съ другой — черноземный центръ и югъ, съ почти исключительно земледѣльческой промышленностью. По отношенію къ крѣпостному населенію это раздѣленіе выразилось въ преобладаніи въ черноземныхъ губерніяхъ *барщинной* системы эксплуатаціи крѣпостныхъ крестьянъ, а въ нечерноземныхъ *оброчной* или *барщиннооброчной* (смѣшанной) системы. Наканунѣ крестьянской реформы въ нечерноземныхъ губерніяхъ на барщинѣ было менѣе $\frac{1}{3}$ крѣпостного населенія, а въ черноземныхъ губ. болѣе $\frac{2}{3}$ 2).

По 50 губ. Европейской Россіи.
1905 г.

	Число владѣній.	Коліч. земли.
До 100 дес.	60.910	1.662.577
Отъ 100—100 дес.	37.00	13.215.478
Свыше 100 дес.	9.334	38.290.953
	<hr/>	<hr/>
	107.247	53.169.008

Когда говорятъ у насъ о политической роли 130 тыс. дворянъ-землевладѣльцевъ, забываютъ, что такого числа помѣщиковъ дворянъ въ Россіи не было даже до 1905 г., и что въ настоящее время число ихъ значительно сократилось.

¹⁾ Слова Ростовцева, перваго предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій.

²⁾ Распределеніе барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ въ концѣ XVIII стол. и въ 1858 году выражалось приблизительно въ слѣдующихъ цифрахъ:

	XVIII в. 10-я рев.		XVIII в. 10-я рев.	
	Оброчные.		Барщинные.	
Черноземныя губ.	26%	32%	74%	68%
Нечерноземныя губ.	55%	70%	45%	30%

Различная цѣнность земли и различное значеніе земледѣлія въ районахъ барщиннаго и оброчнаго хозяйства опредѣлили неодинаковое отношеніе къ условіямъ освобожденія крѣпостныхъ со стороны помѣщиковъ этихъ районовъ. Борьба въ средѣ помѣстнаго дворянства, борьба такъ называемыхъ „крѣпостниковъ“ и „либераловъ“ въ значительной мѣрѣ объясняется не большимъ развитіемъ чувства гуманности у „либераловъ“, сравнительно съ „крѣпостниками“, а условіями ихъ „быта“, различіями способовъ извлеченія дохода изъ своихъ крѣпостныхъ. Однако характеръ Крестьянской Реформы 1861 г. показываетъ, что все дворянство въ цѣломъ дѣйствовало въ этой реформѣ, какъ политически и экономически единый классъ, заинтересованный прежде всего въ сохраненіи своихъ политическихъ привилегій и въ защитѣ своихъ матеріальныхъ интересовъ.

Размѣръ надѣла въ крѣпостную эпоху, въ общемъ, зависѣлъ отъ указаннаго географическаго положенія губерніи: въ малопродуктивной нечерноземной полосѣ, съ значительнымъ количествомъ неудобныхъ земель, средній надѣлъ на ревизскую душу былъ выше, чѣмъ въ черноземной полосѣ. Съ другой стороны, обычно размѣръ крестьянскаго надѣла былъ выше въ оброчныхъ имѣніяхъ, чѣмъ въ барщинныхъ: въ имѣніяхъ съ барщиннымъ хозяйствомъ помѣщика запашка всегда расширялась за счетъ крестьянскихъ надѣловъ и часто сокращала послѣдніе до минимума. Въ послѣднее десятилетіе предъ Реформой въ черноземной полосѣ Россіи захватъ помѣщиками крестьянскихъ надѣловъ мѣстами вылился въ особую форму — такъ называемой „мѣсячины“: помѣщики отбирали всю землю у своихъ крѣпостныхъ и превращали ихъ въ сельскохозяйственныхъ рабовъ, которымъ выдавался на содержаніе „мѣсячный паекъ“.

Надѣлы у крѣпостныхъ крестьянъ въ дореформенную эпоху какъ въ черноземной, такъ и въ нечерноземной полосѣ, при низкой сельскохозяйственной техникѣ, въ большинствѣ имѣній были недостаточны для удовлетворенія нуждъ крестьянской семьи. Профессоръ Янсонъ при вычисленіи крестьянскихъ надѣловъ для 70-хъ годовъ пришелъ къ выводу, что для удовлетворенія однихъ продовольственныхъ нуждъ населенія въ нечерноземныхъ губерніяхъ необходимо надѣлъ не менѣе, какъ въ 8 десятинъ на ревизскую душу, а для черноземныхъ губерній 5 десятинъ на душу.

Но средній „существующій надѣлъ“ въ огромномъ большинствѣ губерній далеко не достигалъ этихъ нормъ.

Въ нечерноземной полосѣ надѣлъ крѣпостныхъ наканунѣ Реформы лишь въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ нѣсколько превышалъ 8 дес., но зато въ Нижегородской онъ падалъ до 3,8 дес., въ Владимірской до 3,7 и въ Московской до 2,3 дес. Въ черноземныхъ губерніяхъ средній надѣлъ нигдѣ не достигалъ 5-десятинной нормы,

опускаясь въ Харьковской губ. до 2,8 дес., а въ Курской до 2,3 дес.

Недостаточность земельного обезпеченія крѣпостныхъ крестьянъ нашла себѣ яркое выраженіе въ замедленіи, а въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи и въ полной пріостановкѣ роста крѣпостного населенія. Это явленіе въ Московскомъ районѣ, напримѣръ, выразилось въ прямомъ уменьшеніи крѣпостного населенія, уменьшеніи, не находящемъ себѣ иного объясненія, кромѣ какъ въ начавшемся *вымирании* крѣпостныхъ крестьянъ. Что въ данномъ случаѣ главную роль игралъ ужасающій гнетъ крѣпостного права, видно изъ того, что въ 2-хъ великороссійскихъ губерніяхъ приростъ населенія среди государственныхъ крестьянъ за 76 лѣтъ (1782—1858) былъ въ 3 раза большій, чѣмъ среди крѣпостныхъ крестьянъ.

Крѣпостное крестьянство съ государственною властью сталкивалось лишь чрезъ помѣщика: рекрутскую повинность отбывало по указанію помѣщика, помѣщикъ самъ сдавалъ „порочныхъ“ крестьянъ властямъ для ссылки въ Сибирь. Только за уголовныя преступленія крѣпостной подлежалъ общимъ судамъ. Съ точки зрѣнія правовыхъ нормъ, регулировавшихъ жизнь „свободныхъ“ сословій Россіи, крѣпостной былъ „безправенъ“. Но тѣмъ не менѣе жизнь крѣпостныхъ была очень подробно регламентирована „правовыми“ нормами, установленными самими помѣщиками. У каждаго помѣщика существовалъ свой собственный регламентъ, который лежалъ въ основѣ управленія имѣніемъ. У нѣкоторыхъ крупныхъ владѣльцевъ имѣлись даже писанныя „Уложенія“, опредѣлявшія права и обязанности крѣпостныхъ и вотчинной администраціи и заключавшія гражданскій и уголовный кодексы. Въ этихъ „Уложеніяхъ“ очень подробно устанавливались степени наказаній за разные проступки и преступленія крестьянъ.

Семейныя и имущественныя права крестьянъ, права наслѣдованія и проч. каждый помѣщикъ опредѣлялъ по своему усмотрѣнію, но уже разъ установленный порядокъ болѣе или менѣе соблюдался.

Способъ эксплуатаціи имѣнія: переводъ крестьянъ на барщину или оброкъ устанавливался самимъ помѣщикомъ. Оброчные крестьяне немного дальше стояли отъ помѣщика и потому были нѣсколько болѣе „свободны“, чѣмъ барщинники. И потому въ имѣніяхъ, гдѣ былъ легкій оброкъ, угроза перевода на барщину была особенно страшна для крестьянъ. Но въ имѣніяхъ съ непосильнымъ оброкомъ, въ особенности въ черноземныхъ губерніяхъ часто крестьяне сами просили о переводѣ ихъ на барщину. Въ имѣніяхъ и барщинныхъ, и оброчныхъ помѣщика (особенно въ Великор. губ.) считали необходимымъ вводить систему земельныхъ передѣловъ (общину) и запрещали семейные раздѣлы. Община помогала помѣщикамъ правиль-

нѣе эксплуатировать рабочую силу крѣпостныхъ; большая семья являлась болѣе сильной и потому болѣе доходной рабочей единицей. Въ дѣлахъ регулированія земельныхъ отношеній и отправленія работъ помѣщичья администрація часто предпочитала имѣть дѣло съ „миромъ“, т. е. со сходами домохозяевъ. Но, конечно, властью „мира“ помѣщикъ пользовался только въ собственныхъ интересахъ и рѣшенія „мира“ имъ признавались лишь постольку, поскольку это рѣшеніе совпадало съ его, помѣщика, волей помѣщика.

VI.

Настроеніе крестьянства наканунѣ Реформы.

Условія, на которыхъ произошло освобожденіе крестьянъ, были выработаны въ открытыхъ, 4 марта 1859 г., Редакціонныхъ Комиссіяхъ и изложены въ проектѣ положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Проектъ этотъ, послѣ разсмотрѣнія и исправленія въ Главномъ Комитетѣ, получилъ окончательную редакцію въ Государственномъ Совѣтѣ.

Редакціонныя Комиссіи, которыя вмѣстѣ съ Главнымъ Комитетомъ представляли какъ бы особое отдѣленіе Государственного Совѣта, — составились изъ высшей бюрократіи и назначенныхъ правительствомъ „экспертовъ“ изъ крупныхъ помѣщиковъ. Изъ 38 членовъ Ред. Комиссій — 16 членовъ представляли различныя Министерства и Вѣдомства; остальные 22 члена — являлись членами-экспертами. Предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій былъ сначала Ростовцевъ, а послѣ его смерти гр. Панинъ. Изъ представителей министерствъ важную роль играли представители М-ства Вн. Дѣлъ Милотинъ и Соловьевъ. Изъ членовъ экспертовъ выдѣлились кн. Черкасскій (членъ тульского дворянскаго комитета) и Самаринъ (членъ самарскаго комитета).

Главнымъ матеріаломъ для составленія „Проекта Положенія“ Редакціоннымъ Комиссіямъ служили проекты „Положеній“, выработанные дворянскими губернскими комитетами. Дворянскіе Комитеты для составленія проектовъ мѣстныхъ „Положеній“ получили отъ Главнаго Комитета строгаго опредѣленныя директивы въ видѣ „программы занятій Губернскихъ Комитетовъ“, утвержденныхъ 21 апрѣля 1858 года.

Главный Комитетъ состоялъ изъ назначенныхъ верховной властью членовъ, въ число которыхъ входили министръ Внутреннихъ Дѣлъ Ланской и шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ. Съ 3 января 1857 по 16 февраля 1858 года Гл. Комитетъ находится въ своей „секретной“ стадіи.

Какъ сказано выше въ Секретномъ Комитетѣ въ самомъ началѣ занятій было установлено, что среди крѣпостныхъ происходитъ „волненіе умовъ“, хотя и не болѣе сильное, чѣмъ это обычно бываетъ „при началѣ каждаго царствованія и при другихъ важныхъ событіяхъ“, но которое при „дальнѣйшемъ развитіи можетъ имѣть послѣдствія болѣе или менѣе вредныя и даже опасныя. Однако, Комитетъ постановилъ приступить къ „освобожденію постепенному, безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ“.

Еще въ августѣ 1857 г. Секретный Комитетъ рѣшилъ, что „общихъ мѣръ“ для всей Россіи въ смыслѣ освобожденія крестьянъ принимать нѣтъ необходимости; а при освобожденіи въ будущемъ земля должна быть дана крестьянамъ только во временное пользованіе и за „вознагражденіе“.

Но положеніе въ деревнѣ было болѣе серьезно, чѣмъ это казалось Секретному Комитету. Уже въ концѣ 1857 г. императоръ Александръ II на докладъ предѣдателя Секретнаго Комитета Орлова написалъ: „Повторяю еще разъ, что положеніе наше таково, что медлить нельзя“.

О настроеніи крестьянъ въ Секретный Комитетъ поступила очень подробная Записка члена Секретнаго Комитета М-ра Госуд. Имуществъ Муравьева, объѣхавшаго лѣтомъ 1857 г. среднія губерніи Россіи. Содержаніе „Записки“ Муравьева живо воспроизводитъ картину крѣпостной деревни, встревоженной слухами о „волгѣ“.

Особенно поражаетъ въ этой „Запискѣ“ близость настроенія крестьянъ въ 1857 г. съ тѣмъ, что наблюдалось потомъ во время аграрнаго движенія 1905—06 гг. Крестьяне ожидали „каждый праздникъ, что имъ будетъ объявлена правительствомъ свобода, говорила „Записка“. Свободу же крестьяне понимали „превратно“. Они полагали „оную“ „въ безграничномъ пользованіи всѣми землями помѣщиковъ, которые, по ихъ мнѣнію, должны будутъ *выгнать изъ имній въ городъ*, ибо земля по понятіямъ крестьянъ принадлежитъ имъ, а не теперешнимъ владѣльцамъ“; „нѣкоторые даже считаютъ, что они не станутъ платить государственныхъ податей, что будетъ полная свобода, и что они будутъ имѣть свои собственныя мірскія судилища, которыя замѣнятъ нынѣ существующія отъ правительства“. Муравьевъ указывалъ также, что взгляды помѣщичьихъ крестьянъ на землю, какъ на свою собственность, поддерживаются государственными крестьянами, считающими землю своею неотъемлемою собственностью.

Черезъ 50 лѣтъ во время движенія 1905—06 гг. крестьяне самыхъ разнообразныхъ губерній Россіи такъ же настаивали на томъ, что помѣщикамъ нечего дѣлать въ деревнѣ, и что они должны отсюда уѣхать навсегда, такъ какъ помѣщичьи земли принадлежатъ имъ.

М-ръ Госуд. Имущ. Муравьевъ предлагалъ въ виду этого настроенія крестьянъ немедленно издать рядъ „облегчительныхъ мѣръ“ для крестьянъ, но самый вопросъ о ликвидациі крѣпостнаго права онъ предлагалъ рѣшать „постепенно мѣрными шагами“. Членъ Секретнаго Комитета Вел. Ки. Константинъ Николаевичъ полагалъ, что всѣ эти мѣры надо включить въ одинъ Указъ, въ которомъ однако надо сказать, „что крестьяне остаются крѣпостными и обязаны повиноваться своимъ владѣльцамъ“. М-ръ Вн. Дѣль Ланской, считая также еще несвоевременнымъ приступать къ освобожденію крестьянъ, предложилъ идти по линіи наименьшаго сопротивленія: начать съ запада, гдѣ почва для Реформы нѣсколько подготовлена, подвигаться на востокъ „мѣрными и обдуманнми шагами“.

20 ноября 1857 г. вмѣстѣ съ рескриптомъ генераль-губернатору Назимову (см. выше) были посланы составленные министрами Вн. Дѣль и Гос. Им. циркуляры дворянскимъ комитетамъ, въ которыхъ опредѣлялось, что 1) земля остается собственностью помѣщиковъ, что 2) въ теченіе 8—12 лѣтъ крестьяне получаютъ свободу; что 3) въ теченіе этого же періода крестьяне выкупаютъ „осѣдность“ (усадьбы); что 4) крестьянамъ отводится въ постоянное пользованіе часть земли за оброкъ или за работу; что 5) за помѣщиками сохраняется полицейская власть.

По докладу Секретнаго Комитета копіи съ рескрипта Назимову Государь разрѣшилъ послать губернаторамъ другихъ губерній „для соображеній и для вящаго успокоенія дворянства“.

Черезъ нѣсколько дней Секретный Комитетъ составилъ проектъ рескрипта и циркуляра для Петербургскаго дворянства. Редакція циркуляра Петербургскому дворянству была смягчена по сравненію съ циркуляромъ сѣверо-западному дворянству: слова Виленскаго рескрипта „освободить отъ крѣпостной зависимости“ тамъ были замѣнены словами „улучшеніе и прочное устройство быта“. Кромѣ того въ циркулярѣ Петербургскому Дворянству говорилось о томъ, что личную свободу крестьяне такъ же, какъ и усадьбу должны выкупить.

Въ декабрѣ 1857 г. подъ вліяніемъ губернатора Муравьева, бывшаго Декабриста, нижегородское дворянство заявило въ адресѣ „готовность“ исполнить „священную волю монарха на основаніяхъ, какія ему благоугодно будетъ указать“. Въ отвѣтъ на этотъ адресъ нижегородское дворянство получило разрѣшеніе открыть дворянскій комитетъ по крестьянскому вопросу. Московское же дворянство, отъ котораго Секретный Комитетъ ждалъ также адреса съ просьбой разрѣшить ему открыть комитетъ, черезъ своего генераль-губернатора Закревскаго подало записку „о неблагоприятномъ впечатлѣніи, которое произвели на дворянство рескрипты Назимову и Игнатьеву (Петерб. губ.) съ указаніемъ на то, что среди дворянства ходитъ слухъ, будто „освобожденіе крестьянъ рѣшено было на Парижскомъ“

Конгрессъ подъ влияніемъ враговъ Россіи“. Но остановить дѣло было невозможно, напряженіе въ деревнѣ достигло уже высшей степени.

„Народъ волнуется“, писалъ Оренбургскій генераль-губернаторъ, „ходятъ слухи о появленіи антихриста. Еще въ минувшемъ мѣсяцѣ ходила молва, что царь позволяетъ бить кабаки, но это начало только. Покончивъ съ откупомъ, примутся и за помѣщиковъ. Замѣчательно, что эти слухи ходятъ не столько между помѣщичьими, сколько между казенными крестьянами. Сильная холера остановила волненія, и слухи какъ будто утихли, но я боюсь какъ бы при малѣйшей вспышкѣ народнаго волненія помѣщичьи усадьбы не подверглись участи кабаковъ“.

VII.

Рознь интересовъ помѣщиковъ черноземныхъ и нечерноземныхъ губерній.

Формы, въ которыя вылилась эксплуатація крѣпостныхъ въ нечерноземной (по преимуществу оброчной) и черноземной (по преимуществу барщинной) Россіи, обусловили содержаніе проектовъ „Положеній“, составленныхъ въ дворянскихъ комитетахъ.

Оброчная система не являлась формой непосредственной эксплуатаціи крѣпостныхъ въ предпріятіи рабовладѣльца. Крѣпостной добывалъ оброкъ, работая часто внѣ всякаго контроля своего господина или его администраціи. Оброкъ былъ главнымъ доходомъ, который помѣщикъ получалъ отъ своихъ оброчныхъ крестьянъ.

Поэтому при постановкѣ вопроса объ освобожденіи крестьянъ максимумъ требованій, которыя могли предъявить помѣщики нечерноземныхъ губерній, заключался въ выкупѣ государствомъ ихъ оброчнаго права, т. е. въ выкупѣ личности крестьянъ у помѣщика государствомъ. Торгуя крестьянами въ крѣпостную эпоху, помѣщики вообще могли представить себѣ Крестьянскую Реформу скорѣе всего въ видѣ единовременной продажи всѣхъ крестьянъ государству.

Въ виду того, что малоплодородная земля въ нечерноземной Россіи не представляла тогда особенно высокой цѣнности, помѣщики здѣсь даже не прочь были освободить крестьянъ съ землей, за приличный выкупъ, оставивъ, конечно, себѣ наиболѣе цѣнные угодья. На тотъ случай, если бы крестьяне, утраченные тяжестью выкупа, стали отказываться отъ большого надѣла, дворянство не-

черноземныхъ губерній предложило ввести повышенное обложеніе усадебъ, а для надѣльной земли выдвинуло особую систему, такъ называемыхъ „градаций“, т. е. болѣе высокой оцѣнки первой десятины надѣла. Эта идея „градация“ была одновременно предложена въ комитетахъ: Тверскомъ, Ярославскомъ, Костромскомъ, Рязанскомъ, Новгородскомъ, Вологодскомъ и Тульскомъ. Вопросъ о времени, когда государство перейдетъ къ выкупу, для нечерноземныхъ помѣщиковъ не игралъ важной роли. Они были согласны даже на немедленный выкупъ. Въ виду этого дворяне нечерноземныхъ губерній не были особенно заинтересованы и въ предоставленіи помѣщику особыхъ „вотчинныхъ правъ“ надъ освобождаемыми крестьянами.

Большинство комитетовъ нечерноземныхъ губерній быстро закончили свои занятія и представили свои проекты въ Редакціонныя Комиссіи. Представители этихъ комитетовъ („депутаты“) были въ первую очередь приглашены въ Редакціонныя Комиссіи для совѣщаній.

Экономическая позиція помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній обусловила „либерализмъ“ этихъ депутатовъ первой очереди („перваго призыва“).

Совѣтъ другое положеніе по отношенію къ труду крѣпостныхъ занимали помѣщики черноземныхъ, барщинныхъ губерній, и потому совѣтъ иное было ихъ отношеніе къ освобожденію крестьянъ.

Помѣщики, ведшіе барщинное хозяйство, извлекали доходъ изъ непосредственной эксплуатаціи своихъ крѣпостныхъ. Освобожденіе крестьянъ отъ обязательнаго труда, т. е. потеря постояннаго контингента рабочихъ представлялось имъ полнымъ разореніемъ. Гарантировать себѣ достаточный запасъ рабочихъ они могли только въ томъ случаѣ, если бы крестьянинъ, оставшись крѣпкимъ землѣ, нуждался въ продажѣ имъ своей рабочей силы. Этого можно было достигнуть безземельнымъ освобожденіемъ крестьянъ, съ предоставленіемъ имъ выкупа лишь „усадебной осѣдлости“.

Но и такая „реформа“ для помѣщиковъ представила бы извѣстнаго рода ломку установившихся отношеній, на приспособленіе къ которой потребовалось бы довольно продолжительное время. Поэтому дворянство черноземныхъ губерній, въ общемъ, вѣдало въ рѣшительную оппозицію къ идеѣ „немедленнаго“ перехода крестьянъ въ свободное состояніе. Съ другой стороны, помѣщики, съ барщиннымъ хозяйствомъ, привыкнувъ непосредственно распоряжаться трудомъ крѣпостныхъ и нуждаясь въ средствахъ принужденія крестьянъ къ работѣ у себя въ имѣніяхъ, отстаивали въ своихъ проектахъ принципъ сохраненія „вотчинной власти“ помѣщиковъ надъ освобожденными крестьянами.

Большинство комитетов этих губерний запоздало съ своими проектами, и их депутаты попали въ Редакціонныя Комиссіи во вторую очередь. Явившіеся въ Петербургъ, эти представители Комитетовъ черноземныхъ, т. е. наиболѣе крѣпостническихъ районовъ, принесли съ собой ультра-крѣпостническій духъ, характерный для депутатовъ „второго призыва“.

Барщина и оброкъ были двумя основными формами, въ которыя отлилась эксплуатація крѣпостныхъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ можно было наблюдать и инныя формы эксплуатаціи. Характерное явленіе въ этой области имѣло мѣсто, напр., въ Курской губ., гдѣ помѣщики извлекали часто доходъ изъ своихъ имѣній посредствомъ сдачи своей земли крестьянамъ на разныхъ условіяхъ въ аренду. Такая форма существуетъ еще теперь въ экономически отсталыхъ районахъ „исполнаго хозяйства“. Конечно, помѣщикамъ этого типа наиболѣе выгодно было безземельное освобожденіе крестьянъ.

VIII.

Сколько земли и по какой цѣнѣ получила каждая крестьянская „ревизская“ душа.

Содержаніе рескриптовъ ¹⁾ и инструкцій, разосланныхъ дворянскимъ комитетомъ, показываетъ, что Секретный Комитетъ вначалѣ считалъ возможнымъ произвести освобожденіе крестьянъ безъ земли. О выкупѣ надѣловъ съ государственной помощью въ рескриптахъ не было и рѣчи. Но скоро для всѣхъ членовъ Комитета стала ясно, что крестьянство ни въ какомъ случаѣ не помирится съ безземельной „волей“, подъ полицейской властью помѣщика. „Скорѣе рѣка пойдетъ противъ своего обычнаго теченія, чѣмъ русскій крестьянинъ согласится оторваться отъ земли, орошенной его потомъ“, писалъ А. И. Кошелевъ, членъ отъ правительства въ рязанскомъ комитетѣ. Сами же крестьяне стояли на томъ, что хотя „мы барскіе или царскіе“, а „земля наша“. Для Ред. Комиссій, къ которымъ перешла сводка матеріаловъ губернскихъ Комитетовъ и выработка основъ Положенія не оставалось другого выхода, какъ пойти за тѣми немногими комитетамъ, которые предлагали выкупъ надѣловъ съ помощью государства.

¹⁾ Главныя основы рескрипта Назимову были оставлены безъ измѣненій и для другихъ Комитетовъ.

По вопросу о размѣрѣхъ надѣловъ члены Ред. Ком. разсуждали такъ: „Если крестьяне могли вообще жить при тѣхъ надѣлахъ, которыми пользовались, то слѣдовательно эти надѣлы могутъ быть признаны достаточными“. Изъ „существующихъ“ надѣловъ были выработаны „средній надѣлъ“.

Если дѣйствительный надѣлъ у крестьянъ даннаго имѣнія былъ выше выведенной для данной мѣстности средней нормы, то у крестьянъ при отводѣ надѣла производилась отрѣзка до „средней“ по данному району. Такимъ образомъ „средній надѣлъ“ оказывался *максимальной* нормой надѣловъ („высшій“ надѣлъ). Наоборотъ, для малоземельныхъ имѣній, гдѣ помѣщикъ не могъ дать надѣла по „существующей“ средней нормѣ, тамъ надѣлъ не могъ быть ниже установленнаго Редакціонными Комиссіями минимальнаго („нисшаго“) для данной мѣстности надѣла, причѣмъ этотъ минимумъ былъ опредѣленъ въ $\frac{1}{3}$ максимальнаго надѣла ¹⁾.

Если за надѣленіемъ крестьянъ у самого помѣщика черноземной и пещерноземной полосъ оставалось менѣе $\frac{1}{3}$ всей удобной земли имѣнія, а въ степной полосѣ менѣе $\frac{1}{2}$, то у крестьянъ (при надѣленіи) можно было отрѣзать землю для пополненія помѣщику земли до $\frac{1}{3}$, причѣмъ послѣ отрѣзки у крестьянъ черноземной и пещерноземной полосы не должно было остаться менѣе „нисшаго“ надѣла.

Такимъ образомъ, Редакціонныя Комиссіи признали возможнымъ произвести земельные *отрѣзки* у крестьянъ въ 2-хъ случаяхъ: въ случаѣ, если надѣлъ въ данномъ имѣніи былъ выше средняго по данной мѣстности, и въ случаѣ, если крестьянскій надѣлъ въ данномъ имѣніи былъ такого размѣра, что у помѣщика не оставалось $\frac{1}{3}$ удобной земли.

Эти принципы надѣленія крестьянъ были одобрены Главнымъ Комитетомъ и Государственнымъ Совѣтомъ. При проведеніи Положенія 19 февраля въ жизнь въ пользу помѣщиковъ отрѣзывались обычно наиболѣе цѣнныя угодья, часто отрѣзывались прогоны къ водопою, смежныя съ крестьянскими землями куски земли, которые крестьяне для веденія своего хозяйства должны были потомъ арендовать у помѣщиковъ по высокимъ цѣнамъ. Эта система и создала извѣстныя въ исторіи крестьянскаго хозяйства „отрѣзки“, общая сумма которыхъ составила нѣсколько милліоновъ десятинъ (около 5 милл. десят.) ²⁾.

¹⁾ При надѣленіи крестьянъ землей, помѣщикъ обязанъ былъ прибавлять землю крестьянамъ лишь въ томъ случаѣ, если у крестьянъ въ пользованіи было менѣе нисшаго надѣла, а у него самого оставалось въ черноз. и пещерноз. губ. болѣе $\frac{1}{3}$ удобной земли или болѣе $\frac{1}{2}$ въ степныхъ губ.

²⁾ И это несмотря на то, что Ред. Ком. увеличили размѣръ надѣловъ губернскихъ комитетовъ отъ $\frac{1}{4}$ дес. до 3 дес.— почти во всѣхъ мѣстностяхъ.

Какъ общее правило дворянскіе комитеты назначили меньшіе надѣлы, чѣмъ Редакціонныя Комиссіи.

Не разъ члены Редакціонныхъ Комиссій убѣждали „депутатовъ“ и первого, и второго призыва въ необходимости повысить нормы надѣловъ, иначе въ Россіи будетъ новая „пугачевщина“. Дворянству, по мнѣнію Редакціонныхъ Комиссій, не нужно было бояться принятія „существующихъ надѣловъ“, такъ какъ вѣдь это была только одна „вывѣска“.

Значеніе „существующаго надѣла“ и принятыхъ къ нему оговорокъ ярко обрисовалъ первый предѣдатель Редакціонныхъ Комиссій Ростовцевъ.

„Я считаю“, говорилъ Ростовцевъ, „что отрѣзывая землю у крестьянъ, мы зажжемъ Россію“. „Какъ *вытѣску* мы должны поставить основаніе существующаго надѣла. Не надо колебать этого, ради Бога, оставьте это. Я хозяинъ, позвольте — вы гости. Вдругъ, одинъ изъ гостей, приглашенныхъ на обѣдъ, потребовалъ бы жаренаго. Дозвольте, тутъ есть горячее, тутъ есть еще соусъ, и я, какъ хозяинъ, предъявляю, что жаренное будетъ, но надо повременить; его подадутъ въ своемъ мѣстѣ“.

Что касается „жаренаго“, то Ростовцевъ оказался совершенно правымъ; проектъ „Положенія“, вышедшій въ концѣ концовъ изъ рукъ Редакціонныхъ Комиссій и Главнаго Комитета, соответствовалъ аппетиту многихъ крѣпостниковъ.

Для того, чтобы показать, какъ рѣшался вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею Губернскими Комитетами, Редакціонными Комиссіями и Государственнымъ Совѣтомъ, прослѣдимъ вопросъ о надѣлахъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ:

Губерніи.	Въ Губ. Ком. опредѣлили площадь крестьянскаго надѣла.	Крестьяне получили по Положенію 19 февраля 1861 года.
	тыс. дес.	тыс. дес.
Новгородская	667	1.045
Псковская	600	805
Рязанская	600	1.000
Воронежская	240	570
Симбирская	300	530
Саратовская	600	834

Въ общемъ, по взятымъ нами 6 губерніямъ нормы надѣловъ Положенія 19 февраля 1861 года выше нормъ Губернскихъ Комитетовъ на 60⁰/₀.

Размѣръ отрѣзковъ въ Положеніи 1861 года опредѣлился не сразу. Редакціонныя Комиссіи выработали первый проектъ „Положенія“ на основаніи губернскихъ проектовъ 22-хъ комитетовъ. Въ этомъ первомъ проектѣ „существующій надѣлъ“ былъ уменьшенъ. Послѣ совѣщаній съ депутатами надѣлы были еще болѣе уменьшены. Въ Главномъ Комитетѣ отчасти Государственнымъ Совѣтѣ было произведено дальнѣйшее уменьшеніе надѣловъ, и кромѣ того Государственный Совѣтъ, по предложенію кн. Гагарина, принялъ, такъ называемый, „дарственный надѣлъ“.

Условія „дарственного“ надѣла состояли въ томъ, что тѣ крестьяне, которые соглашались получить ¹/₄ отъ вышшаго или „указнаго“ ¹) надѣла, не платили никакого выкупа и получали надѣлъ „даромъ“. Такъ былъ созданъ разрядъ крестьянъ „дарственниковъ“.

Размѣры отрѣзковъ въ разные періоды обсужденія Положенія 19 февраля по нѣкоторымъ губерніямъ выражались въ слѣдующихъ цифрахъ:

Губерніи.	Отрѣзки по первонач. проекту Полож. Ред. Ком.	Отрѣзки увеличены Ред. Ком. послѣ пересмотра Положенія депутатами на	Отрѣзки въ Госуд. Совѣтѣ увеличены на	Общая сумма отрѣзковъ.	Уменьшеніе существующаго въ крѣп. эпоху надѣла на
	тыс. дес.	тыс. дес.	тыс. дес. ²⁾	тыс. дес.	
Псковская	50	50	12	112	12 ⁰ / ₀
Симбирская	40	15	14	69*)	11 „
Саратовская	150	4	10	164*)	16 „
Новгородская	500	30	25	555	35 „

1) Самъ кн. Гагаринъ предлагалъ давать въ даръ всего ¹/₆ вышшаго надѣла.

*) Безъ крестьянъ дарственниковъ.

2) *Главный Комитетъ*, по соглашенію съ гр. Панинымъ, урѣзалъ надѣлы, принятые Ред. Ком. въ 332 уѣздахъ, 33 губерній, отъ ¹/₄ до ²/₃ дес., въ 4 уѣздахъ онъ увеличилъ надѣлы, назначенные Ред. Ком. (Гжатскомъ Смоленской губ.), на ¹/₄ дес. и въ Солигалич. и Чухломскомъ, Костр. губ., на ¹/₂ дес.

Госуд. Советъ урѣзалъ нормы надѣловъ на ¹/₃ дес. только по 8 уѣздамъ 3 губерній (Владим., Каванск. и Рязанской).

Какъ видно на примѣрѣ этихъ губерній, дореформенные „существующіе надѣлы“ Положеніемъ 1861 года были уменьшены (кромѣ дарственныхъ) отъ 11% до 35%¹⁾.

Представители дворянскихъ Комитетовъ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ — депутаты и перваго и втораго призыва — утверждали, что комитеты дѣйствовали въ интересахъ или „государства“, или „крестьянъ“, но ни въ коемъ случаѣ не въ интересахъ дворянства.

Псковскіе депутаты говорили, что „ползѣнѣ не для помѣщиковъ, а для государства не слишкомъ увеличивать надѣль и оставить его, какъ есть, потому что многіе крестьяне перейдутъ тогда въ мѣщане, давая болѣе простора остающимся“.

Черниговскіе депутаты указывали, что уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ совсѣмъ не представляется столь вреднымъ для крестьянъ, какъ полагаютъ Редакціонныя Комиссіи, ибо „трудъ есть главный капиталъ человѣка“.

Нижегородскіе депутаты утверждали, что закрѣпленіе за крестьянами „существующаго надѣла“ вредно, такъ какъ это поведетъ къ недостатку рабочихъ рукъ для обработки помѣщичьихъ полей, питающихъ города, войска и торговлю“.

Результатъ работъ дворянскихъ комитетовъ, Редакціонныхъ Комиссій и Главнаго Комитета по вопросу о надѣленіи крестьянъ землей представляется въ такомъ видѣ.

Положеніе 1861 г. раздѣлило всѣ губерніи (Великороссійскія, Новороссійскія и Бѣлорусскія) на три полосы: первая — *нечерноземная* полоса; вторая — *черноземная* полоса; третья — *стенная* полоса, при этомъ каждая изъ полосъ дѣлилась на „мѣстности“; всѣхъ такихъ „мѣстностей“ было 29. Въ первой и второй полосахъ устанавливался „высшій“ и „нисшій“ надѣлы; *нисшій* опредѣленъ былъ въ $\frac{1}{3}$ высшаго; въ третьей полосѣ для всѣхъ мѣстностей устанавливался одинъ общій „указный“ надѣль, безъ раздѣленія на высшій и нисшій.

Въ *нечерноземной* полосѣ высшіе надѣлы колебались отъ 3 дес. до 7 дес.; въ *черноземной* отъ $2\frac{3}{4}$ дес. до 6 дес.; въ *стенной* полосѣ въ Новороссійскихъ губерніяхъ „указный“ надѣль колебался отъ 3 до $6\frac{1}{2}$ дес.; въ Великороссійскихъ губерніяхъ — отъ 6 до 12 десятинъ.

Изъ этихъ данныхъ видно, что ни въ одной изъ губерній *нечерноземной* и *черноземной* Россіи даже „высшій“ надѣль не достигъ тѣхъ нормъ, которыя по вычисленію Янсона были достаточны

¹⁾ Тенденція уменьшать крестьянскіе надѣлы сказалась даже на такихъ помѣщикахъ, какъ извѣстный А. И. Кошелевъ. Онъ проектировалъ такія нормы надѣловъ для Рязанской губ., которыя дѣлали необходимой отръжку отъ крестьянъ въ 225 тыс. дес.

для удовлетворенія потребностей крестьянъ. Что же можно сказать „о нисшихъ“ и дарственныхъ надѣлахъ? Крестьяне, получившіе нисшіе и дарственные надѣлы, вмѣстѣ съ неполучившими вовсе земли дворовыми, составили ту многомилліонную массу пролетаризованнаго и полупролетаризованнаго населенія, съ которой Россія начала свою пореформенную исторію.

При опредѣленіи нормъ выкупа за землю Редакціонныя Комиссіи положили въ основу принципъ „существующаго факта“ и къ опредѣленію размѣра выкупа за землю. Въ этомъ случаѣ Редакціонными Комиссіями было принято предложеніе Ростовцева слѣдить за тѣмъ, „чтобы размѣры оцѣнки высшаго надѣла не измѣнили нынѣшняго дохода помѣщика“. Это для помѣщиковъ. Для крестьянъ было признано, что „существовавшія“ накануне Реформы повинности были необременительны и исполнѣ „соразмѣрены съ ихъ средствами“. Отсюда Редакціонныя Комиссіи рѣшили, что переводъ этихъ повинностей на деньги, при капитализаціи 6% можетъ дать норму для выкупа.

Такая постановка вопроса предрѣшала чрезвычайно высокій выкупъ, такъ какъ „средній размѣръ“ существовавшихъ въ крѣпостную эпоху повинностей ни въ коемъ случаѣ не могъ быть названъ „соразмѣрнымъ“ со средствами крестьянъ.

Депутаты дворянскихъ комитетовъ 1-го и 2-го призывовъ оспаривали нормы выкупа, предложенныя Редакціонными Комиссіями. Совѣщанія Редакціонныхъ Комиссій съ „депутатами“ привели къ тому, что для нѣкоторыхъ мѣстностей размѣръ выкупа былъ значительно повышенъ. Главный Комитетъ еще болѣе усилилъ это повышение. Между прочимъ, подъ влияніемъ депутатовъ дворянскихъ комитетовъ для всей черноземной полосы Редакціонныя Комиссіи повысили норму выкупа съ 8 руб. до 9 руб., т. е. на 12,5%. Но и при этихъ условіяхъ размѣръ выкупа, назначенный дворянскими комитетами, оказывался значительно превосходящимъ принятый Редакціонными Комиссіями.

Такъ, по Рязанской губ., „существующій“ въ крѣпостную эпоху средній оброкъ равнялся 3 р. 14 коп. съ десятины, Редакціонныя Комиссіи назначили 3 руб. 27 коп. съ десятины; меньшинство Рязанскаго Комитета требовало 5 руб. съ дес.; большинство того же Комитета — 6 руб. 85 коп. съ дес.

Въ Бобровскомъ у., Воронежской губ., „существующій“ оброкъ опредѣлился въ 2 руб. 28 коп. за дес.; Редакціонныя Комиссіи назначили 2 руб. 57 коп. за дес. Воронежскій комитетъ требовалъ 6 руб. 46 коп. за десятину.

Послѣдніе расчеты сдѣланы самими Редакціонными Комиссіями, съ указаніемъ, что въ значительной части проектовъ остальныхъ,

губернскихъ комитетовъ заключалась та же тенденція назначать высшій выкупъ за уменьшенный надѣлъ.

Не уступивъ дворянству полностью въ вопросѣ о размѣрахъ надѣла и выкупа, Редакц. Комиссія вознаградила его принявъ систему „градаций“ и распространивъ ее почти на всю Россію. Сущность этой системы, какъ было уже указано, заключалось въ томъ, что независимо отъ того, какой надѣлъ выкупался крестьянами, первая его десятина оцѣнивалась выше, чѣмъ остальные десятины, входящія въ составъ надѣла. По размѣру годового оброка (при временно-обязанномъ состояніи или выкупѣ) за высшій надѣлъ Положеніе 19 февраля раздѣлило Великороссійскія, Новороссійскія и Бѣлорусскія губерніи на 4 мѣстности съ ежегоднымъ выкупомъ въ 12¹/₂, 10, 9 и 8 рублей за высшій надѣлъ.

Въ *нечерноземной* полосѣ по системѣ „градаций“ на первую десятину надѣла падала ¹/₂ всей суммы душевого выкупа (т. е. 6 р.; 5 р.; 4 р. 50 к. и 4 рубля); на вторую десятину надѣла ¹/₄ суммы (т. е. 3 р., 2 р. 50 к., 2 р. 25 к. и 2 руб.), на всѣ остальные десятины падала остальная ¹/₄ всей выкупной суммы (поровну).

Въ *черноземной и степныхъ* полосахъ, гдѣ высшій надѣлъ оцѣненъ былъ въ 9 рублей, на первую десятину падало 4 рубля, а на остальные десятины поровну разлагалась остальная сумма въ 5 рублей²).

При помощи системы градации помѣщики нечерноземныхъ губерній проводили выкупъ не только земли, но и труда крѣпостныхъ. Редакціонныя Комиссіи распространили „градации“ на нечерноземную, на черноземную и степную Россію, хотя признавали, что эта система особенно выгодна для помѣщиковъ нечерноземной полосы, съ ея малоплодородной почвой и развитыми промыслами.

Повышенная оцѣнка первыхъ двухъ десятиней заставляла крестьянъ нечерноземной Россіи брать возможно большій надѣлъ, такъ какъ 3-я и 4-я десятины выкупались уже по болѣе низкой цѣнѣ. Князь Черкасскій говорилъ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ одному изъ депутатовъ 1-го призыва:

„Въ интересахъ сѣверныхъ губерній (въ интересахъ не крестьянъ, а помѣщиковъ И. Ч.) необходимо принять систему градаций. Тутъ на первую десятину накладывается оброкъ и съ *личнаго* труда

¹) Норма въ 12 руб. была назначена только для имѣній, находящихся не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга.

²) Въ малороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ надѣлы на душу колебались отъ 2¹/₄ дес. до 4¹/₂ дес., градации примѣнены не были, и выкупной платежъ за землю (или годового оброка) былъ опредѣленъ отъ 1 р. 40 к. до 2 р. 80 к. за десятину. Не было градаций также въ губ. Кіевской, Волынской, Подольской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и частью Витебской.

и съ *мѣстнаго* промысла, который обусловленъ положеніемъ его усадебной оцѣдлости, и которымъ нельзя уже будетъ пользоваться, когда люди отойдутъ на волю“.

Путемъ градаций дворянство могло при отказѣ отъ личныхъ правъ на крестьянъ получить вознагражденіе, какъ выражался членъ Редакціонныхъ Комиссій Аранетовъ, „за трудъ, привинченный къ лицу“¹).

Легко видѣть, что при системѣ градации, чѣмъ меньше былъ выкупаемый надѣлъ, тѣмъ выше была оцѣнка земли.

Возьмемъ конкретный примѣръ. Въ Аткарскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., высшій надѣлъ былъ 4¹/₂ дес., за него полагался годового оброка въ 9 рублей. Уѣздъ лежитъ въ черноземной полосѣ, слѣдовательно 1-я десятина стоитъ 4 рубля, остальные три съ половиной по 1 р. 43 к.; при капитализаціи изъ 6% весь надѣлъ оцѣнивался въ 150 рублей, что за одну десятину давало 33 р. 33 к. При низшемъ надѣлѣ выкупить нужно было 1¹/₂ дес. (¹/₃ высшаго надѣла) оброку за нихъ: 4 руб. за первую десятину и 72 коп. за поддесятины, всего, слѣдовательно, 4 р. 72 коп. При капитализаціи изъ 6% получаемъ съ десятины 52 р. 40 коп., т. е. при 1,5 десятинахъ надѣла выкупъ десятины обходился почти на 57% дороже, чѣмъ выкупъ 4,5 десятиней. Членъ Редакціонныхъ Комиссій, товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Милютинъ, оправдывалъ „градацию“ такимъ соображеніемъ: „чай фунтами вы покупаете дороже, чѣмъ цибикомъ“.

Но и при высшемъ надѣлѣ, назначенная Редакціонными Комиссіями оцѣнка земли была значительно выше продажныхъ цѣн¹). Такъ, въ томъ примѣрѣ, который взятъ нами въ Аткарскомъ у., продажныя цѣны въ концѣ 50-хъ годовъ равнялись 29 руб. за десятину, такъ что при высшемъ надѣлѣ крестьяне переплачивали на 15% при низшемъ на 80%²).

¹) Интересно, что иногда самые реакціонные «депутаты» дворянства (напр. Повець) были противъ «градации». Это объясняется тѣмъ, что дворянство нѣкоторыхъ губерній (напр. Полтавской) предлагало надѣлъ всего въ 1¹/₂ десятины. При такомъ надѣлѣ, конечно, нельзя было примѣнить высшую оцѣнку первой десятины, такъ какъ владѣтелю давалась всего одна полная десятина.

²) Установивъ высокія нормы выкупныхъ платежей, Редакціонныя Комиссіи подъ вліяніемъ губернскихъ комитетовъ и депутатовъ 1-го и 2-го призыва внесли въ Положеніе требованіе «переоброчки», т. е. періодической переоцѣнки нормъ оброка, для тѣхъ крестьянъ, которые еще не перешли на выкупъ. Первая переоброчка была назначена черезъ 20 лѣтъ (въ 1881 году); но, въ виду неспокойнаго настроенія крестьянъ, она была отложена, а 28 декабря 1881 г. былъ изданъ указъ объ обязательномъ выкупѣ съ 1-го января 1883 года, для тѣхъ крестьянъ, которые къ 1886 еще не перешли отъ оброка къ выкупу.

Выходъ, найденный въ системѣ „градаций“ для выкупа крестьянскихъ душъ и для вознагражденія мелкопомѣстныхъ дворянъ, применилъ до известной степени дворянство съ Редакционными Комиссіями и доставилъ членамъ этихъ Комиссій большое удовлетвореніе. На общемъ членовъ Редакционныхъ Комиссій послѣ окончанія работъ 7 ноября 1860 г. былъ даже предложенъ особый тостъ: „выпьемъ за градацію!“

Крестьянство, конечно, не имѣло основаній торжествовать и пить за „градацію“.

Условія выкупа завѣдомо недостаточныхъ надѣловъ завязывали тотъ узелъ „аграрнаго вопроса“, который опредѣлилъ характеръ всей нашей пореформенной исторіи. Чрезвычайная напряженность платежныхъ силъ крестьянства обусловила его слабую покупательную способность и исключила возможность быстроэкономическаго развитія страны. Многомилліонное крестьянство, благодаря своей бѣдности, не могло создать нормально развивающагося рынка для продуктовъ нашей промышленности. Отсталость экономическая влекла за собой отсталость культурную. Нашъ капитализмъ развивался слабо не потому, что Россія поздно вступила на путь капиталистическаго развитія, когда всѣ „внѣшніе рынки“ были заняты, а потому, что въ Россіи, благодаря бѣдности населенія, слабо развивался внутренний рынокъ. Культурно-экономическая отсталость обусловила и медленность ликвидаціи безчисленныхъ остатковъ крѣпостнаго права нашей пореформенной Россіи.

Ростовцевъ въ застѣданіи Редакц. Комиссій 1858 г. какъ то сказалъ: „придетъ время, и исторія нарѣжетъ крестьянамъ землю лучше, чѣмъ мы“.

Пророчество Ростовцева исполняется: Великая Революція 1917 года дастъ, наконецъ, крестьянамъ землю.

IX.

Что такое дарственные надѣлы.

Для полноты картины надѣленія крестьянъ землей и для характеристики крестьянской психологіи полстолѣтія тому назадъ мы остановимся на „дарственныхъ“ крестьянахъ. „Даровой“ или нищенскій надѣлъ (безъ выкупа) получило болѣе 500 тыс. ревизскихъ душъ, изъ которыхъ 50% падало на 7 черноземныхъ губерній и 20% на одну Саратовскую губернію.

Согласіе крестьянъ брать „нищенскіе“ надѣлы находить себѣ отчасти объясненіе въ той напряженной атмосферѣ, въ которой происходила Крестьянская Реформа.

Истрадавшіе въ крѣпостной неволѣ, крестьяне ждали нетерпѣливо свободы отъ „господскаго“ гнета, утверждая, что эта свобода будетъ дана имъ вмѣстѣ съ „царскимъ надѣломъ“.

Тяжелыя условія освобожденія явились почвой для созданія легенды о томъ, что „воля“ 19 февраля „подмѣнена“, „воля“ неполная и что тотъ, кто не подпишетъ выкупнаго договора, получитъ въ концѣ концовъ „царскій надѣлъ“¹⁾.

Но были и чисто реальныя причины отказовъ отъ полныхъ надѣловъ. Тяжесть выкупныхъ платежей вызвала у крестьянъ опасеніе, что накопленіе недоимокъ можетъ повести къ возстановленію крѣпостнаго права. „Земля незавидная, а платежъ трудный“. Поэтому крестьяне предпочитали путь „хоть съ крестомъ, да на волю“. И въ то же время была надежда, что „Царь не оставитъ безъ земли“.

Низкія арендныя цѣны на землю и отсутствіе кадра постоянныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ давали основаніе крестьянамъ думать, что имъ будетъ выгодно брать въ аренду землю, чѣмъ платить выкупъ. „Земля дешева была, думали проживемъ и такъ“. „Баринъ въ могилу землю не заберетъ“. Но арендныя цѣны очень быстро поднялись, очень скоро превзошли выкупной платежъ, а сами крестьяне-дарственники и составили кадры сельскохозяйственныхъ рабочихъ²⁾ у помѣщиковъ.

Дарственную землю крестьяне брали еще потому, что имъ предлагался болѣею частью надѣлъ съ плохой землей или неудобно расположенный. Интересно, что „богатые“ крестьяне были часто болѣе ревностными сторонниками „дарнаго надѣла“. Имѣя нѣкоторыя средства, богатые крестьяне полагали, что они справятся и съ „нищенскимъ“ надѣломъ, согласіе же на полный надѣлъ можетъ повлечь за собой при *круговой поруцѣ* имущественную от-

¹⁾ Нужно сказать, что выкупныя свидѣтельства, которыми заплатило правительство помѣщикамъ при выкупѣ крестьянъ, пали въ цѣнѣ примѣрно на 20%; и потому при высшемъ надѣлѣ помѣщики, продававшіе и выкупныя свидѣтельства получали за землю часто лишь рыночную цѣну.

Какъ на примѣръ, можно указать на Росташевскую вол. въ Балаш. у., Саратовской губ., гдѣ арендныя цѣны съ 1 рубля въ теченіе первыхъ 3-хъ лѣтъ поднялись до 12 руб.; то же наблюдалось и въ другихъ губ.

²⁾ Воля 19 февраля 1861 г. считалась «бабьей», потому что въ теченіе двухъ лѣтъ для крестьянъ сохранялась обязательная барщина (въ барщинныхъ имѣніяхъ), но разнаго рода сборы—ягоды, полотно, яйца—преимущественно предметы женскаго хозяйства были отменены.

вѣтственность съ ихъ стороны за бѣдныхъ крестьянъ, какъ это было во время „барщины“, когда богатые справляли „уроки“ за бѣдныхъ.

Х.

Управление освобожденными крестьянами.

Принявъ за исходный пунктъ аграрной стороны реформы сохраненіе прежнихъ доходовъ помѣщиковъ, дворянство губернскихъ комитетовъ и Редакціонныхъ Комиссій въ области юридической выдвинуло на первый планъ вопросъ о „гарантіяхъ“ своихъ доходовъ послѣ Реформы. Въ проектахъ Положеній дворянскихъ комитетовъ въ качествѣ такихъ „гарантій“ были предложены мѣры, практиковавшіяся въ крѣпостную эпоху: круговая порука, прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ, контроль надъ семейными раздѣлами, принудительная община, сословная обособленность крестьянъ, надзоръ дворянства за крестьяниномъ.

Въ программѣ, разосланной Главнымъ Комитетомъ провинціальному дворянству, указывалось, что при освобожденіи крестьянъ за помѣщиками будетъ сохранена „вотчинная власть“. Но съ того момента, когда была признана Главнымъ Комитетомъ неизбежность болѣе коренной Реформы и выкупа крестьянскихъ надѣловъ (освобожденіе съ землей), сохраненіе вотчинной власти помѣщика было признано излишнимъ. И въ то время, когда нѣкоторые губернскіе комитеты, слѣдуя программѣ, оставили въ своихъ проектахъ судебно-полицейскую власть помѣщиковъ, Редакціонный Комитетъ заявилъ „депутатамъ“ комитетовъ, что разъ правительство уплату выкупа беретъ на себя, и само явится кредиторомъ крестьянъ, то вопросъ о „гарантіяхъ“ погашенія долга крестьянами уже не касается непосредственно дворянства. Поэтому, Редакціонныя Комиссіи въ проектѣ своего Положенія пошли за тѣми комитетами, которые предлагали перенести на освобожденныхъ крестьянъ права и обязанности „свободныхъ“ государственныхъ крестьянъ, безъ вотчинной власти помѣщиковъ.

Вся организація управления государственными крестьянами въ крѣпостную эпоху была приспособлена къ тому, чтобы „гарантировать порядокъ“ въ крестьянской средѣ и безнедоимочное поступленіе на крестьянъ платежей. Государственные крестьяне управлялись „міромъ“, который до мелочей регламентировалъ всѣ стороны крестьянскаго быта: земельные раздѣлы, семейные

раздѣлы, увольненіе изъ общества, распредѣленіе платежей, взысканіе недоимокъ и т. п. Судебная власть „міра“ сосредоточивалась въ сельской и волостной „расправахъ“, въ которыя „міръ“ выбиралъ судей. „Расправы“ руководствовались особыми судебскими уставами и имѣли право подвергать виновныхъ тѣлесному наказанію. Нежелательныхъ членовъ сельскихъ обществъ „міръ“ особымъ постановленіемъ могъ ссылать въ Сибирь. За недоимщиковъ „міръ“ отвѣчала круговой порукой и могъ сдавать ихъ, по своему усмотрѣнію, въ работы для погашенія недоимокъ¹⁾.

Имѣя въ своихъ рукахъ власть надъ отдѣльными домохозяевами, „міръ“ въ то же время самъ находился подъ усиленнымъ контролемъ „окружного начальника“—дворянина. Такая организація крестьянскаго управления наиболѣе соответствовала фискально-полицейскимъ требованіямъ государства; недоимочность государственныхъ крестьянъ за послѣднія десятилѣтія предъ Реформой была значительно меньшею, чѣмъ у помѣщичьихъ крестьянъ; и все же въ меньшей степени среди нихъ проявлялось и недовольство существующимъ порядкомъ. Правда, такой строй жизни у государственныхъ крестьянъ привелъ къ тому, что эти „свободные“ крестьяне по своему быту очень мало отличались отъ крѣпостныхъ. Казалось бы, что столѣтія крѣпостного ига должны были отдѣлить глубокой пропастью обликъ бывшаго крѣпостного отъ облика крестьянина, не знавшаго рабства. И, однако, ни въ крѣпостную эпоху, ни въ настоящее время мы этой пропасти не видимъ. И это указываетъ не на то, что крѣпостное право у насъ носило мягкій характеръ (исторія это рѣшительно отрицаетъ), а на то, что система управления государственными крестьянами носила по существу крѣпостнической характеръ. И это вполне понятно. Само Положеніе объ управленіи государственными крестьянами 1838 г. было скопировано съ управленія помѣщичьими крестьянами. Какъ было указано выше, „міръ“ игралъ извѣстную роль и у помѣщичьихъ крестьянъ, въ особенности у оброчныхъ.

Въ Положеніи 19 февраля 1861 года крестьянское „самоуправленіе“ вылилось въ знакомую крѣпостнической эпохѣ форму узкосословнаго „мірскаго“ строя, съ его круговой порукой, съ ея сдачей недоимщиковъ въ работу, съ тѣлеснымъ наказаніемъ, съ правомъ „міра“ ссылать въ Сибирь „порочныхъ“ членовъ, съ контролемъ „міра“ семейной жизни односельчанина.

Сословный „міръ“, наглухо отгородившій крестьянина отъ остальнаго міра и самъ попавшій подъ надзоръ земскаго начальника, жилъ до Великой революціи 1917 года.

¹⁾ Аналогичный порядокъ господствовалъ у такъ называемыхъ удѣльныхъ крестьянъ.

XI.

Какъ приняла деревня свое освобожденіе.

Крѣпостная деревня на объявленіе условій своего освобожденія отвѣтила повсемѣстнымъ движеніемъ, принявшимъ во многихъ районахъ Россіи чрезвычайно грозныя формы. Крестьянство выступило противъ помѣщиковъ со сплоченностью, поразившей даже тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ все обострившихся конфликтовъ въ крѣпостной деревнѣ въ послѣднее передъ освобожденіемъ десятилѣтіе.

„Уставныхъ грамотъ крестьяне рѣшительно подписывать не хотѣть... Это новая кабала, которую выдумали бары, для того, чтобы сказать царю: вѣдь сами крестьяне хотѣть ходитъ на барщину или же на оброкъ...“—писалъ Кошелевъ 1861 г. изъ Рязанской губ... Общее настроеніе крестьянъ, ожиданіе новаго Положенія, недовольство настоящимъ и пассивная оппозиція—мы все вынесемъ, всему покоримся и нечего не примемъ, ничѣмъ не заявимъ своего согласія“,—такъ характеризовалъ Самаринъ настроеніе крестьянъ въ Самарской губ., гдѣ онъ былъ членомъ губерн. присутствія.

Въ Новгородской губ. крестьяне, по словамъ мирового посредника, ждали надѣленія ихъ „Царскимъ нарѣзомъ,—когда пройдетъ царская цѣпь“. Никто изъ нашихъ крестьянъ не признаетъ уставныхъ грамотъ говоря, „что это господская выдумка“ (Записки Носовича по Новгор. губ.).

Мировой посредникъ Саратовской губ. писалъ: „народъ ожидалъ другой воли, царскаго надѣла, который одни опредѣлили въ восемь, другіе въ двѣнадцать десятинъ на душу, распространяли слухъ, что земля отъ помѣщиковъ отбирается, и послѣдніе ее получаютъ по числу душъ своего семейства, а остальное нарѣжется крестьянамъ. Не слѣдуетъ подписывать уставныя грамоты, надо ждать новой воли и царскаго надѣла, кто же подпишетъ—идетъ навсегда въ кабалу“... (Записки мирового посредн. Саратов. губ.).

Дворянство почувствовало себя въ плѣну у крестьянской массы. Первоначальное недовольство многихъ помѣщиковъ „Положеніемъ 1861 г.“, потребовавшимъ отъ нихъ „огромныхъ жертвъ“, быстро начало исчезать. „Нельзя не признать, что и положеніе наше, помѣщиковъ, на первое время весьма незавидное. Я ежечасно убѣждаюсь, что въ образованныхъ помѣщикахъ начинаютъ разсѣиваться многія предубѣжденія противъ нашихъ работъ“... „Помѣщики за наше „Положеніе“ частенько хватаются уже, какъ за якорь спасенія“—писалъ кн. В. А. Черкасскій чрезъ два мѣсяца послѣ объявленія манифеста...

Земледѣльческія работы лѣтомъ и осенью 1861 г. крестьяне производили крайне неохотно.—„Крестьяне всячески стараются отбить у насъ охоту заниматься хозяйствомъ, на оброкъ не идутъ, барщину отправляютъ какъ можно хуже. Воровство и самоволіе развились въ страшныхъ размѣрахъ“. „Сколько хлѣба погнило и потрачено въ нынѣшнемъ году“,—писалъ Кошелевъ.

Словомъ крестьянство не повѣрило, что опубликованное Положеніе и есть та самая „воля“, которую оно такъ долго ждало. Во многихъ мѣстахъ началась крестьянская Революція. За первые четыре мѣсяца послѣ объявленія манифеста о „волѣ“ было 647 крестьянскихъ бунтовъ. За всѣ 29 лѣтъ режима Николая I было меньше крестьянскихъ волнений, чѣмъ въ эти первые 4 мѣсяца послѣ Реформы. Въ 499 случаяхъ была примѣнена вооруженная сила... Крестьянство „успокоилось“ не скоро. Еще въ 1862 году вспыхивали мѣстами огоньки возстаній.

Заключеніе.

Завѣщанный намъ Реформой 1861 г. великій „крестьянскій вопросъ“, вопросъ нашей культуры, нашего бытія, теперь, наконецъ, будетъ рѣшенъ.

Уничтоженіе сословій рѣшитъ „крестьянскій“ вопросъ, какъ вопросъ безправія полуторостамилліоннаго нашего крестьянства: передача земли въ руки трудящихся рѣшитъ крестьянскій вопросъ, какъ вопросъ крестьянскаго „безземелья“ и „малоземелья“. Въ республиканской Россіи не будетъ уже крестьянъ, дворянъ, мѣщанъ, а будутъ только русскіе граждане.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Государственное хозяйство крѣпостного времени и положеніе крестьянъ	3
II. «Гуманное» крѣпостное право, кустарная промышленность и община—наши «національныя особенности»	11
III. Дворянство приступаетъ къ освобожденію крестьянъ	18
IV. Количество крѣпостныхъ крестьянъ и крѣпостниковъ-дворянъ наканунѣ крестьянской реформы	20
V. Земельное обезпеченіе крѣпостныхъ	22
VI. Настроеніе крестьянства наканунѣ Реформы	25
VII. Разнѣ интересовъ помѣщиковъ черноземныхъ и нечерноземныхъ губерній	28
VIII. Сколько земли и по какой цѣнѣ получила каждая крестьянская «ревизская» душа	30
IX. Что такое дарственные надѣлы	38
X. Управление освобожденными крестьянами	40
XI. Какъ приняла деревня свое освобожденіе	42
XII. Заключеніе	43

Издательскій Отдѣлъ Скобелевскаго Комитета

ПГР. Знаменская, 41. Телефонъ № 2-29-46.

Современная жизнь идетъ такимъ быстрымъ темпомъ, что своевременно закрѣпить исторію переворота является общественнымъ долгомъ Скобелевскаго Комитета. Сейчасъ, когда всѣ впечатлѣнія переворота еще живы въ памяти непосредственно принимавшихъ въ немъ участіе, есть возможность собрать исчерпывающіе по своей цѣнности матеріалы. Поручая разработку этого труда писателю В. В. Муйжело съ участіемъ видныхъ революціонныхъ дѣятелей, Скобелевскій Комитетъ объявляетъ подписку на художественное, богато иллюстрированное изданіе:

„Армія и Революція“.

Изданіе будетъ выходить выпусками по четыре печатныхъ листа въ каждомъ, всего пять выпусковъ, что въ общемъ составитъ большую иллюстрированную фотографіями и картинами извѣстныхъ художниковъ книгу, по своему содержанію являющуюся точнымъ отраженіемъ великаго переворота, давшаго Россіи новую, свободную жизнь.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

при подпискѣ 1 руб. 50 коп., при полученіи cadaго изъ первыхъ четырехъ выпусковъ—по 3 руб. и послѣдняго пятого—1 руб. 50 коп.

Подписка на „АРМІЮ и РЕВОЛЮЦІЮ“ принимается съ 1-го августа 1917 года.

Офицерскія и солдатскія библіотеки.

Принимая на себя обязательства, выданныя прежнимъ правленіемъ Скобелевскаго Комитета и считая себя отвѣтственнымъ за все, выходящее въ настоящій моментъ подъ знакомъ Издательскаго Отдѣла Скобелевскаго Комитета, новое Правленіе приступило къ пересмотру **офицерскихъ и солдатскихъ библиотекъ** (полковыхъ, ротныхъ, эскадронныхъ и пр.). Исправленныя и дополненныя, библіотеки эти имѣютъ цѣлью обслужить, помимо общей научно литературной области жизни, еще тѣ вопросы, которые встали передъ реформированной арміей въ годину войны. Въ настоящее время готовится полный каталогъ означенныхъ библиотекъ, который будетъ выпущенъ въ свѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Составъ библиотекъ раздѣленъ на три отдѣла:

- 1) **Общественно-политическій,**
- 2) **Научный:** а) научный общій,
б) научный военный.
- 3) **Литературно-художественный.**

Въ виду очень большого спроса на эти библіотеки—обеспеченіе ими частей войскъ наиболѣе удобно по предварительнымъ заказамъ (съ уплатой денегъ при заказѣ); цѣна полной офицерской библиотекы—1.000 р., болѣе сжатой 500 руб. и краткой 300 руб.; солдатской ротной—200 руб.

Готовятся къ выходу въ свѣтъ слѣдующія брошюры:

Серія общественно-политическая:

- Введенскій.** У кого и сколько въ Россіи земли.
Л. Мовичъ. Рѣчь Робеспьера о всеобщ. избир. правѣ.
Вл. Виторгъ. Свобода и право.
Мих. Ефимовичъ. Какъ освободилась Россія.
В. Микулинъ. Свобода собраній и союзовъ.
Л. Василевскій. Дѣти въ городѣ и деревнѣ.

Серія революціонная (Дешевой Народной Библ-ки):

- О. Л. Д'Орь.** Николай II Благосклонный.
В. Муйжель. Въ эти дни.
А. Альперовичъ. Революція въ казармахъ.
Верхоянцевъ-Басовъ. Конекъ-скакунокъ.
Е. Зозуля. Что запомнилось.

и друг.

⋮ Издательскій Отдѣлъ Скобелевскаго Комитета ⋮

ПГР. Знаменская, 41. Телефонъ № 2-29-46.

.....

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ БРОШЮРЫ:

Серія общественно-политическая:

Е. Маевскій. Уроки 1905 г. и революція 1917 г.
Ц. 30 к.

П. Масловъ. Что дѣлать съ землей. Ц. 15 к.

И. Чернышевъ. Земельный вопросъ передъ Учр.
Собр. Ц. 25 к.

Его-же. Откуда пошла бѣдность у крестьянъ. Ц. 75 к.

Его-же. Задача Учредительнаго Собранія. Ц. 25 к.

Его-же. Всеобщее Избирательное право. Ц. 20 к.

Памятка о всеросс. крестьянскомъ съѣздѣ. (Рѣчи Керенскаго, В. Чернова, Е. Брешко-Брешковской).
Ц. 20 к.

П. Елецкій. Революція и организація деревни.
Ц. 20 к.

Г. Болтянскій. Мѣстное самоуправленіе. Ц. 20 к.

К. Фельдманъ. Красный флотъ. Ц. 25 к.

Л. Мовичъ. Уроки исторіи революціи 48 г. Ц. 30 к.

М. Рейснеръ. Что такое демократическая респуб-
лика. Ц. 25 к.

Всеобщее избирательное право. Ц. 10 к.

Республика. Ц. 10 к.

Книжнымъ магазинамъ, общественнымъ и политиче-
скимъ организаціямъ и воинскимъ частямъ — **скидка.**

ЦЪНА 75 КОП.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДѢЛЪ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА
Петроградъ, Знаменская, 41. Тлф. 2-29-46.